

Светлана Бестужева-Лада

Жизнь за корону

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

Жизнь за корону

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17209162

ISBN 9785447454500

Аннотация

Роман повествует о судьбе почти забытой незаурядной женщины России: внучке Екатерины Второй, четвертой дочери императора Павла Первого – Великой княжны Екатерины Павловны, которая по замыслу брата, императора Александра Первого, должна была стать его преемницей на троне – императрицей Екатериной Третьей.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Жертвы политики	27
Глава вторая. Мартовские ночи	73
Глава третья. В любви, как на войне, на войне, как в любви...	122
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Жизнь за корону

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«-Теперь, когда мы научились отправлять посланников не только в те времена и места, где они когда-то проживали свою прежнюю жизнь, программу можно расширить.

– Да, но пока эти посланники могут находиться в заданных нами координатах не более суток. После этого прибор автоматически возвращает их назад...

– Работа продолжается. Но мы не должны отвлекаться и от других, долгосрочных проектов. В данном случае, я имею в виду проект «Манифест».

– Агент уже внедрен и первые две фазы успешно пройдены.

– Подробнее.

– Ее двойник по прежней жизни приняла постриг в монастыре. А самому агенту удалось получить рекомендательное письмо к интересующей нас персоне. Если все пройдет гладко, без неожиданностей, мы сможем осуществить все задуманное.

– Контроль над психическим состоянием агента ведется?

– Безусловно. Абсолютная выдержка, прекрасная способность к адаптации и, главное, умение быть рядом, оставаясь практически незамеченной.

– Осложнений личного плана не будет?

– Агент не проявляет интереса к представителям про-

тивоположного пола, а у тех, в свою очередь, нет абсолютно никаких причин заинтересоваться ею, как женщиной.

— При дворе, распущенность нравов которого вошла в историю?

— Я же говорил: абсолютная выдержка. Добавлю, завидное хладнокровие.

— Агента подбирали лично вы?

— Да, и предварительную подготовку она проходила под моим непосредственным руководством.

— Что заставило ее согласиться отсутствовать в своем времени и жить своей собственной жизнью в течение многих лет? Не исключено — десятилетий?

— По профессии она историк и увлекается именно тем периодом. А кроме науки, ее вообще мало что интересует. Рано потеряла родителей, воспитывалась в детском доме, высшее образование получила заочно. Личная жизнь отсутствовала, как таковая, вследствие особенностей темперамента. Но одновременно может быть контактна и высоко коммуникабельна.

— Такие агенты большая редкость. Как она попала в наш проект?

— Ее привела Анна, и она же за нее поручилась. Вы же знаете, Анна достаточно проницательна, к тому же работала в проекте с ранних этапов его действия.

— Думаю, что связной будет тоже Анна?

— Безусловно. Она прекрасно говорит по-французски и до-

статочно артистична. К тому же хорошо разбирается в принципах действия почти всех приборов.

— Когда у нее будет первый контакт с агентом?

— Как только та доберется до места назначения. По ее подсчетам — недели через две.

— А место встречи уже определено?

— Да, Анна выбрала самое подходящее, плюс несколько запасных вариантов.

— Криминальные проблемы исключены? Или столкновение с религиозным фанатизмом?

— Почти на сто процентов, во всяком случае, последнее. Это же не Древний Египет и даже не Поднебесная империя.

— Да, там сюрпризов хватило бы... Но это уже, так сказать, история, теперь мы занимаемся более серьезными вещами.

— Главное, без всякой самостоятельности.

— Совершенно верно. Аналитики просчитали варианты изменений в случае удачи нашего плана?

— Естественно. Но ведь мы хотим только продлить жизнь еще не слишком старой женщины лет на десять. И избавить страну от нескольких лет совершенно бессмысленных перемен и страданий. Просто агент должна неотлучно находиться при объекте, вот и все. И во время запросить у нас нужное лекарство, если понадобится.

— Просто... Самые простые вещи как раз и бывают самыми сложными, поверьте моему опыту.

– Ваш опыт внушает уважение, но все решает сама жизнь. Как показывает мой опыт, она часто бывает непредсказуемой именно в простых вещах и мелочах.

– Посмотрим.

– Посмотрим.»

«Любезный друг, князь Григорий Александрович! Вчерашний день Великая княгиня родила дочь, которой дано мое имя, следовательно, она – Екатерина; мать и дочь теперь здоровы, а вчера материна жизнь была два часа с половиною на весьма тонкой нитке; видя крайность, я решилась приказать акушеру спасти жизнь ей, за что теперь мне и муж, и жена много благодарны...»

Императрица оторвалась от письма Светлейшему князю Григорию Потемкину и глубоко вздохнула. Как будто это было совсем недавно: ее собственные последние роды, поздние, не слишком желанные, окутанные глубокой тайной. Тогда новорожденную тоже называли Екатериной. Теперь ей уже тринадцать лет, и она мало интересуется своей августейшей матерью: девочка носила фамилию Темкина и воспитывалась далеко от дворца.

И все-таки тонкие губы императрицы тронула чуть грустная улыбка. Незаконнорожденная в глазах всего света, дочь на самом деле родилась от тайного брака с Григорием Потемкиным, которого Екатерина любила до беспамятства, искренне считая последней страстью своей жизни. Все то-

гда смешалось в один сложный клубок: пугачевский бунт, неожиданная, то ли самозванная, то ли подлинная, дочь покойной императрицы Елизаветы, объявившая себя претенденткой на трон, долгожданная беременность первой супруги Павла, Великой княгини Натальи Алексеевны...

Все вынесла: рядом был Григорий Потемкин, Гришенька, надежда и опора, венчанный муж и прирожденный государственный деятель. Пугачева казнили, самозванная княжна Тараканова умерла от чахотки в заточении, а невестка Наталия через полгода скончалась в родах, произведя на свет мертвого младенца.

Пришлось утешать нелюбимого сына, чуть не лишившегося рассудка от потери обожаемой супруги. Слава Богу, покойная невестка была не слишком целомудренной, да еще легкомысленно хранила свою пылкую и недвусмысленную переписку с любовником, графом Андреем Разумовским, ближайшим другом своего мужа. Прочитав эти письма, Павел, вообще не слишком уравновешенный человек, почти мгновенно возненавидел некогда любимую жену и позволил матери начать поиски для него новой спутницы жизни и матери будущих детей.

Екатерина снова вздохнула и вернулась к прерванному письму:

«...Жизнь моей невестки была два с половиной часа в немалой опасности от единого желания угодить и трусости окружающих ее врачей; и видя сие, ко времени и кстати уда-

лось мне дать добрый совет, чем дело благополучно и кончилось. Теперь она здорова, но появление четвертой дочери вместо долгожданного третьего сына привело ее к такому отчаянию, что в утешение я дала новорожденной свое имя».

Четвертая дочь... Императрица снова отложила перо. Правда, есть двое старших внуков: Александр и Константин, законное продолжение династии вроде бы обеспечено, но мало ли сюрпризов преподносит жизнь? Вот если бы сыновей было трое... И ведь все врачи в один голос твердили, что на сей раз Великая княгиня носит сына, все признаки налицо, да и звезды предсказывали появление на свет личности незаурядной, сильной, достойной носить корону. И вдруг – девочка.

Екатерина, как ни странно, довольно скептически относилась к женщинам вообще и к женскому уму в частности. Вдоволь нахлебавшись в молодости унижений от взбалмошной и деспотичной свекрови-императрицы Елизаветы, она старалась в собственной жизни быть прежде всего монархиней, если не монархом. И отношения ее с мужчинами, шокировавшие не только Европу, но, порой, и ко многому привыкший двор, тоже строились по принципу сугубо мужскому: фавориты сменяли друг друга исключительно в зависимости от прихоти императрицы, причем каждый был моложе предыдущего.

По понятиям того времени – глубокая старуха, разменявшая шестой десяток бабушка теперь уже шестерых внуков,

Екатерина втайне гордилась тем, что окружающие воспринимают ее совсем по-другому, как некое высшее существо, неподвластное ни годам, ни людским законам. Она и сама забыла о том, что юной немецкой принцессе из захудалого княжества, ставшей женой наследника русского престола исключительно по прихоти императрицы Елизаветы, никакие звезды никогда не пророчили ни короны, ни власти. Она добилась всего сама: умом, терпением, настойчивостью.

«И преступлением», – шепнул ей внутренний голос.

«Я не убивала своего мужа. Меня там даже не было...»

«Ты вдохновила убийц, и никого не покарала потом»

«Этот сумасшедший угрожал благополучию всей России...»

«Этот человек угрожал твоему благополучию и благополучию твоего сына».

«Нужно было спасти страну».

«Что ж, ты ее спасла. Спасла трон для своего сына, но так и не уступила его...»

«Великий князь безумен, как и его отец».

«Но он все равно будет императором, когда тебя не станет».

«Не будет. Я завещаю трон своим внукам. Точнее, Александру. Он будет идеальным правителем, я сама его воспитываю. А Павла у меня отобрали сразу после рождения...»

«Как ты отобрала сыновей у своей невестки?»

Екатерина тряхнула головой. Не отобрала, а взяла к себе,

чтобы воспитать истинных аристократов, будущих монархов. Разве справилась бы с этим восемнадцатилетняя немецкая принцесса София-Доротея, во святом крещении – Мария Федоровна, выросшая в захудалом графстве Монбельяр, и мало чем отличавшаяся от обычной немецкой барышни? Хорошенькая, неглупая, явно обожает своего мужа, но... Воспитывать будущих наследников престола ей рано.

А уж доверять воспитание детей их отцу... Прусский король Фридрих Второй, устроивший этот брак для одной из своих бедных родственниц, дал очень точную оценку характера Великого князя:

«Слишком важен, заносчив и горяч, чтобы удержаться на престоле народа дикого, варварского и избалованного нежным женским правлением... Он может повторить судьбу своего несчастного отца».

Фридрих был, конечно, более проницателен, чем большинство его современников, но очень плохо знал закулисные пружины Российской политики. «Нежное женское правление» существовало только в воображении иностранцев: возведенная на трон горсткой высшей аристократии Анна Иоановна, племянница Петра Великого, прославилась свое царствование невероятной жестокостью и склонностью к пыткам и казням за малейшее неповиновение. Особенно свирепо она расправилась с теми, кому обязана была трон: целые семьи сгинули в ссылках, многие закончили жизнь на эшафоте или в подземельях монастырей.

Ее племянница, Анна Леопольдовна, формально – регентша при своем сыне, младенце Иоанне, занимала престол лишь несколько месяцев, а потом была свергнута с него Елизаветой, младшей дочерью Петра Великого, которую многие русские вельможи считали незаконнорожденной дочерью, «привенчаной к мамкиному подолу пьяным попом. Формально незамужняя и бездетная, она выписала из Европы сына своей покойной старшей сестры Анны, герцогини Голштинской, объявила его наследником российского престола, а потом женила на немецкой принцессе, единственным достоинством которой в глазах императрицы было прямое родство с ее покойным женихом, герцогом Любекским.

Но в любом случае «нежным» правление Елизаветы мог назвать только очень наивный человек. Самого Фридриха от полного разгрома Пруссии русскими войсками спасла только внезапная кончина Елизаветы и восшествие на престол его горячего поклонника, Петра Федоровича, так и оставшимся в душе герцогом Голштинским, и люто ненавидящим все российское и русское...

А потом престол перешел к ней, к Екатерине, которую простой народ называл не иначе как «матушкой», а аристократия поддерживала в благодарность за данные дворянству вольности: например, разрешение вообще не состоять на государственной службе, хоть бы и номинально.

«Нежное женское правление» – ха! А бесконечные войны, внешние и внутренние? А необходимость привести в по-

рядок до предела запущенные государственные дела, в которые, кажется, вообще никто всерьез и не вникал с петровских времен? Недаром на постаменте памятника великому императору она повелела выбить: «Петру Первому – Екатерина Вторая», хотя не слишком любила самовосхваление. А необходимость держать в узде своенравного наследника, который под влиянием первой супруги – упокой Господь ее душу! – даже составил некий заговор против августейшей матери, да вовремя опомнился, покался и отрекся от всех своих сподвижников.

Теперь вот, забыв про политику, желает на поле боя показать чудеса героизма. Когда в августе 1787 г. Османская Порта объявила войну России, Павел, как одержимый, стал рваться на фронт. Но Екатерина, никогда не спускавшая глаз с сына, меньше всего была склонна приближать его к своей армии, где было немало симпатизировавших ему офицеров. В этот раз она не дала согласия на отъезд Павла, сославшись на беременность великой княгини Марии Федоровны, на необходимость ее спокойствия в этом положении. Такая забота Екатерины была вполне оправдана в глазах окружающих: невестка вот-вот должна была подарить императрице столь желанного очередного внука. И подарила... очередную внучку.

А ведь все так чудесно начиналось! Через год с небольшим после свадьбы Великая княгиня легко и без осложнений разрешилась от бремени своим первенцем – Алексан-

гром. Гром пушечных салютов оповестил об этом столицу 12 декабря 1777 года. Счастливы были все – и отец с матерью, и августейшая бабушка, которая и без того относилась ко своей второй невестке с необыкновенной нежностью, куда большей, нежели к собственным детям.

«Признаюсь Вам, что я увлечена этой дивной принцессой, увлечена буквально. Она именно такова, которую хотели: стройна, как нимфа, цвет лица белый, как лилия, высокий рост с соразмерной полнотой и легкость поступи. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у нее на лице, все ею очарованы...»

Такие или примерно такие письма получили все многочисленные корреспонденты императрицы вскоре после приезда невесты Цесаревича в Россию. Но дело даже не в словах: во время родов Екатерина не отходила от юной невестки и, по впечатлению некоторых свидетелей, вела себя так, будто сама была должна рожать. Возможно, страшные воспоминания о собственных первых родах так никогда и не изгладились из памяти Екатерины: почти сутки она оставалась одна в холодной комнате, без капли воды и человеческого слова, пока во дворце шумно праздновали появление на свет ее первенца. Мало кто осудил тогда жестокосердие императрицы Елизаветы, но проявлять подобные чувства было совершенно не в характере Екатерины, при всем ее неприятии немецкой чувствительности и сентиментальности...

Но в глубине души – хотя не призналась бы в этом

и под пытками – Екатерина страстно желала, чтобы младенец Александр остался сиротой. Как говорил один из великих русских поэтов: «Странная вещь сердце человеческое вообще и женское – в особенности».

Майский вечер все длился, не желая заканчиваться и уступать место даже сумеркам. Скоро начнутся белые ночи – излюбленное время для романтиков, ненавистное для рациональной и чуждой сантиментов императрице, которая терпеть не могла изменений в установленном порядке вещей. День есть день, а ночь есть ночь, но в этой удивительной стране все вечно не так, как принято. Перенести бы столицу обратно в Москву, но...

Но Москва пугала Екатерину больше, чем холодный и высокомерный Санкт-Петербург. Там она тут же начинала ощущать себя немкой, которую только терпят в ожидании совершеннолетия законного наследника престола. Там дворянские усадьбы – целые поместья в черте города, собственные маленькие государства. Там – настоящая Россия, которая отторгала в свое время даже природного русского, наизаконнейшего царя Петра. Или, наоборот, Петр отторг Россию? Если задуматься, сколько русской крови течет в жилах ее внуков... Нет, такие мысли нужно гнать от себя как можно дальше.

Императрица позвонила и приказала подавать чай. Сегодняшний день она хотела провести как можно спокойнее: все-таки празднества в честь рождения ее внучки-тезки бы-

ли утомительны.

О радостном событии город узнал, услышав пальбу пушек обеих крепостей – Петропавловской и Адмиралтейской. Императрица-бабушка возложила на ребенка орден Святой Екатерины. Как сообщала об этом дне городская газета «Ведомости», «в полдень был обед, сервированный на сто пятьдесят шесть кувертов. Во время стола Ее Величество пила здоровье высоконоворожденной, причем стреляли из тридцати одной пушки... Вечером Петербург и Царское Село были иллюминованы».

– Пригласите ко мне мадемуазель Алединскую, – приказала императрица слугам, сервировавшим чай.

Да, сейчас ей была нужна именно эта девушка: тихая, тактичная, умеющая поддержать любой разговор, но умеющая и молчать ровно столько, сколько нужно. Идеальная компаньонка... иногда. Последняя просьба покойной подруги незабвенной молодости, графини Прасковьи Брюс, много лет разделявшая забавы и заботы императрицы.

Потом шалунья-графиня заигралась: увлеклась очередным фаворитом своей царственной подруги, да еще была ею застигнута в самый неподходящий момент. Фаворита Екатерина выставила немедленно, а подруге повелела отправляться в дальнее имение за Уралом, и сидеть там смирнехонько, опасаясь монаршьего гнева. Позже, правда, смягчилась, и позволила Прасковье ездить, куда угодно, кроме Санкт-Петербурга и Москвы. А потом...

Екатерина прекрасно помнила тот день, когда ей доложили о посланнице с письмом от графини Брюс. Императрица давно уже все простила и забыла, да и фаворитов с тех пор было немало. Так что посланницу приказала допустить до своей персоны. И увидела стройную, среднего роста девушку, одетую в глубокий траур и не блиставшую красотой. Это была Мария Алединская.

А письмо было последней просьбой умирающей графини. Прасковья просила Ее Императорское величество не оставить своими заботами круглую сироту-бесприданницу, свою полу-воспитанницу, полу-компаньонку, которая собралась в монастырь, но обещала письмо доставить.

– Что вы умеете, моя милая? – обратилась Екатерина к девушке.

– Все, что будет угодно вашему величеству, – тихим, приятным голосом ответила та. – У моей покровительницы-графини, царствие ей небесное, я была чтицей.

– На каком же языке?

– Я знаю английский и русский, хуже – французский.

«Странно, – подумала тогда Екатерина. – Русский понятно, но вот английский... Им у нас мало кто владеет. Тем более, лучше французского...»

– А по-немецки вы читаете?

– Нет, ваше величество. Я плохо понимаю немецкий и совсем не умею говорить на нем.

– Что же, с немецким у меня и без вас говорунов предо-

статочно. Если я предложу вам быть чтицей у меня? Вы можете сразу переводить на русский английские книги?

– Конечно, ваше величество. Я могу быть вам полезной и в другом: мой покойный батюшка увлекался медициной и меня приохотил.

– Да я здорова, милая, спасибо. Что ж, последнюю волю покойных надо уважать. Я оставляю вас при себе. Только траур снимите, не люблю я эту черноту.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Деньги то у вас есть?

– Милостями покойной графини оставлено мне сто рублей на взнос в монастырь.

– Туда еще успеете. Я прикажу сшить вам новое платье. Жить будете за комнатами моих придворных дам, я распоряжусь. А через три дня будьте готовы приступить к своим обязанностям.

Девушка молча склонилась в глубоком реверансе...

С тех пор прошло пять лет, Мария прижилась при императрице, всегда была рядом, если нуждались в ее услугах, и тихо исчезала, когда не была нужна. Сегодняшний вечер был как раз таким, когда, кроме Марии, императрице никто не был нужен. Тихая беседа, гадание на картах, в котором девушка была великой искусницей, какой-то особый легкий массаж перед сном, после которого императрица спала куда лучше обычного. Да, неоценимое наследство ей оставила беспутная Парашка Брюс, упокой Господи ее душу.

Тихий стук в дверь прервал воспоминания императрицы. Мария появилась, как всегда, быстро и почти бесшумно.

– Садись, милая, – ласково обратилась к ней Екатерина. – Что-то устала я нынче.

– Ваше величество не щадит себя. Не только нынче, вчерашнего дня хлопотали без передышки, да и до этого...

– Так ведь рожала эта дуреха, невестка моя. Тяжело на сей раз рожала. Я думала – мальчик...

– На все воля Божья, – тихо ответила Мария. – Добавить в чай отвар? Я принесла.

Мария умела, ко всему прочему, делать какие-то травяные отвары, успокаивающие нервы, облегчающие тяжесть в желудке, исцеляющие легкие простуды.

– Добавь, милая. Была бы ты женщиной, сделала бы тебя своим лейб-медиком.

– Спасибо, ваше величество, только я не врач.

– Да знаю. Только от тебя толку больше, чем от всех этих коновалов. Ты невестке моей отнесла снадобье свое целебное?

– Как всегда, ваше величество. Но боюсь...

– Что?

– Их высочество великая княгиня мои отвары не жалует.

– Что так?

Мария позволила себе слегка усмехнуться:

– Боится, наверное, отравы.

– Дура моя невестка! – резко отозвалась Екатерина. – Ду-

рой была, ею и осталась. Хотя и корчит из себя просвещенную особу.

Императрица имела в виду балы, которые устраивала Мария Федоровна еженедельно по понедельникам и субботам, чтобы развеяться и оживить жизнь «второго двора», в Гатчине. Иногда любителями высокой словесности на сцене гатчинского театра ставилась комедия или устраивался вечер, посвященный литературным дискуссиям, в котором принимали участие заезжие литераторы. Библиотека дворца насчитывала сорок тысяч книг.

Без затей Великой княгини Гатчина, подаренная императрицей сыну после рождения первой внучки, Александры, несмотря на пышный дворец, была бы очень похожа на образцовую казарму. Не исключено, что именно поэтому Великий Князь Павел фанатично привязался именно к этому месту и довольно быстро в непосредственной близости от Санкт-Петербурга возник настоящий прусский уголок, откуда все русское было безжалостно изгнано.

Великая княгиня Мария Федоровна почти мгновенно приспособилась к полуказарменной атмосфере их новой резиденции. Она выращивала редкие цветы и растения, занималась живописью, резьбой по камню, рукоделием, интересовалась естественными науками, даже повелела оборудовать крохотную лабораторию для химических опытов... Не такой уж душой была невестка, как считала ее августейшая свекровь.

– Кажется, великая княгиня сама огорчена, что снова родила девочку, – мягко перевела разговор Мария. – Она так стремится угодить вашему величеству...

– Ты права, – усмехнулась императрица. – Мне пришлось не только помогать при родах, но еще и успокаивать великую княгиню. Надеюсь, следующим ребенком все-таки будет мальчик. Девоч мои детки нарожали предостаточно, хорошо хоть сначала двух мальчиков мне подарили. Вот и вожусь теперь при каждом роде ее высочества: все жду внука. Да и ее, дуреху, жалко...

Мария отвернулась, скрывая улыбку. Екатерина жалости не испытывала ни к кому и никогда, она просто не знала такого чувства. А действовала уже исключительно ради поддержания в глазах общества имиджа образцовой свекрови. К своей невестке она, после первых восторгов, довольно быстро охладела.

Получив столь желанного внука, она стала находить в женщине, произведшей его на свет, чуть ли не одни недостатки: легкомыслие, эгоизм, лукавство, притворство, честолобие и даже откровенную глупость. Хотя Великая княгиня была ничуть не глупее большинства окружавших ее женщин. А то, что ее больше занимали семейные, а не государственные ценности... Вряд ли сама Екатерина обрадовалась бы, окажись ее невестка точной копией ее самой.

Эту холодность снова могло бы растопить появление на свет мальчика. Но судьбе угодно было осчастливить цар-

скую семью еще одной дочерью. Правда, такой, о которой ее старший брат, тогда уже император Александр, впоследствии скажет:

— Если бы Като родилась мужчиной, я бы передал ей трон хоть завтра, нимало не беспокоясь при этом о судьбе России. Эта женщина была рождена для короны...

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается, — отставила Екатерина пустую чашку. — Ты пока ступай, Мари, а после ужина придешь мне почитаешь. Барон Гримм новую книгу прислал, английскую. Пишет, что о какой-то новой методе воспитания. Посмотрим...

Мария склонилась в реверансе и бесшумно выскользнула из комнаты. А Екатерина перешла в кабинет, дописать, наконец, начатое еще днем письмо. Оставлять дела незавершенными она терпеть не могла.

«К сожалению, какое бы имя ни получали мои внуки при крещении, все будут плохо выданы замуж, потому что ничего не может быть несчастнее русской великой княжны. Они не сумеют ни к чему применить, все им будет казаться мелким... Конечно, у них будут искатели, но это приведет к бесконечным недоразумениям... При всем том может случиться, что женихов не оберешься».

Прекрасно зная российскую историю, Екатерина недаром заранее беспокоилась о будущем цесаревен. По допетровскому обычаю царские дочери были обречены на вечное девство и монашеский клобук. Петр искал женихов для двух своей

дочерей за границей, но не слишком в том преуспел: старшая дочь, Анна, ставшая супругой герцога Голштинского, умерла вскоре после родов, Елизавета так и осталась без супруга. Никаких особых династических выгод, кроме череды государственных переворотов в самой России, эти браки не принесли.

Женихов, тем не менее, предстояло подыскивать за границей. А тут все упиралось в самый сложный вопрос вероисповедания: царская дочь ни в коем случае не могла принять иную веру, кроме православной. Значит, нужно было найти принца или герцога, согласного сменить собственную веру на православную, а для особ высокого ранга это было, естественно, неприемлемо. Оставались только не слишком высокородные и не слишком богатые герцоги и принцы, которыми, правда, Европа кишмя кишела, равно как и принцессами.

С удовольствием Екатерина думала только о внуках. И первого, Александра, и второго – Константина она отобрала у родителей сразу после рождения, намереваясь воспитать из них идеальных государей. Для Александра, естественно, предназначался русский престол, Константин должен был стать повелителем нового государства, Греции, освобожденной от турецкого влияния, а столицей этого государства предполагалось сделать Константинополь, пока еще официально называвшийся Стамбулом. Кормилицей его стала гречанка, няньками – тоже женщины той же нации.

Тем временем императрица училась быть матерью, которой фактически никогда не была: новорожденного сына Павла у нее также забрала свекровь, царствовавшая тогда императрица Елизавета. Но, словно забыв собственные горькие слезы по этому поводу, Екатерина поступила со своей невесткой в точности также.

Вопреки обычаям эпохи и особенно вопреки многовековым правилам воспитания царских отпрысков, Екатерина удалила всех ночных нянек, категорически отказалась от меховых покрывал и пуховых перин, требовала закалять детей холодными обливаниями и как можно больше времени проводить в играх на свежем воздухе. Мнение окружающих, в том числе, родителей, ее совершенно не волновало...

Прошло несколько дней, и в Царском Селе состоялось крещение Екатерины Павловны. В церковь ребенка несла статс-дама императрицы княгиня Екатерина Романовна Дашкова, возглавлявшая тогда Академию наук. И в этом можно было увидеть определенно знак судьбы – Екатерина Павловна станет незаурядной, умной женщиной.

Императрица, правда, мало думала о своей четвертой по счету внучке. Лишь через два года после ее рождения императрица в очередном письме, направленном барону Гриму вместе с портретами ее внуков, императрица так характеризует свою внучку-тезку:

«О ней еще мало что можно сказать, она слишком мала, но куда более развита, чем были братья и сестры в ее лета.

Она толста, бела, глазки у ней хорошенькие, и сидит она целый день в углу со своими игрушками, то болтает без умолку, то подолгу молчит. Думаю, мне следовало бы уделять ей больше заботы, почему я и решила приставить к ней особую воспитательницу, которой я всецело доверяю».

Воспитательницей этой императрица решила сделать Марию Алединскую, обязав ее ежевечерне являться с докладом о своей воспитаннице. Таким образом, Екатерина и себя не лишала возможности общения с привычным и приятным ей человеком, и за малышку могла быть спокойна: Мари представлялась ей идеальной воспитательницей, которая, к тому же, сможет научить дитя правильно изъясняться по-русски и свободно – по-английски.

Будущее Като, как звали маленькую великую княжну близкие, Екатерина пока себе еще не очень представляла: кроме нее были три старшие внучки – Александра, Елена и Мария, и младшая – Анна. Общий надзор над их воспитанием осуществляла графиня Ливен, дама с безупречной репутацией и отменным поведением. Но у каждой была и своя, личная воспитательница, и целый штат прислуги.

Перешагивая в первый раз порог детской Като, Мария понимала, что прежняя сравнительно легкая жизнь для нее кончилась, и придется приложить немало усилий, чтобы исполнить свое предназначение и не подвести тех, кто возложил на нее особую миссию.

Глава первая. Жертвы политики

«В Царском селе, в отдалении от основного дворцового здания, были разбросаны несколько причудливых строений в разнообразном стиле: китайском, мавританском, персидском. Императрица Екатерина любила все необычное и порой во время прогулок заходила в какой-нибудь из этих домиков отдохнуть и выпить что-нибудь прохладительное или согревающее.

Поздними вечерами и ночами в этих домиках, случалось, находили уют влюбленные парочки: императрица смотрела на это сквозь пальцы и даже посмеивалась. Но в сумерках павильоны обычно стояли пустыми и казались большими игрушечными домиками, которые ребенок-великан бросил в саду.

В тот вечер в один из павильонов друг за другом проскользнули две фигуры в длинных темных плащах с капюшонами. Осень в Царском селе выдалась теплой, но вечерами уже чувствовалось скорое приближение холодов, так что подобная одежда не вызвала бы особого удивления у случайного свидетеля. Впрочем, вокруг было темно и тихо.

– Есть новости? – спросила по-русски одна из фигур.

Голос был женский, не слишком высокий, да и говорила незнакомка почти шепотом.

– Кажется, да, – отозвалась вторая тоже очень тихо. –

Катрин со дня на день подпишет манифест о передаче тро-на Александру в обход законного сыночка.

– Нужны какие-то дополнительные меры? Средства?

– Меня беспокоит ее здоровье, но кажется, удара удалось тогда избежать. Вы во время доставили мне нужные лекарства. Пока их достаточно. Но, возможно, нужно будет устроить приезд какого-нибудь «иноземного» врача для более тщательного обследования.

– Это не проблема. Думаю, к нашему следующему контакту все будет подготовлено и мы договоримся о деталях. Как все-таки неудачно вышло, что она решила пристроить вас к внучке, а не оставила полностью при себе.

– Нет худа без добра. У меня появилось больше свободы в передвижении, да и круг общения расширился самым естественным образом. К тому же моя воспитанница – любимая сестра Александра, а для будущего это может оказаться чрезвычайно полезным.

– Вы правы. Теперь вот еще что. Я привезла новый прибор, он еще не очень обкатан, но его будут испытывать все агенты. Вот, наденьте на шею.

– Что это?

– Устройство для записи разговоров. Заряда должно хватить на полгода – теоретически, памяти тоже. Потом поменяем. Как вы понимаете, это может оказаться неплохим помощником...

– Неплохим? Бесценным! Я остерегаюсь вести записи, по-

тому что здесь все следят за всеми, и в моих вещах несколько раз кто-то рылся.

– Но Катрин вам, кажется, беспредельно доверяет?

– Здесь может действовать не только она... Как умело сработано, не отличить от обычной ладанки.

– Мы решили, что золото вызовет слишком пристальное внимание к вашей особе: слишком богато. Материал стилизован под серебро.... Ну, нам пора расставаться.

– Сигнал экстренного вызова прежний?

– Да, и места встречи мы тоже пока не меняли. В Царском это вот здесь, в Петербурге – боковой вход на галерею, в Павловске – часовня.

– Гатчина по-прежнему под запретом?

– Только в самом крайнем случае и как можно дальше от дворца. Павел ведь по-прежнему непредсказуем?

– Увы...

– Ну, счастливо, Мария. До следующей встречи.

– Спасибо, Анна. До свидания...

Обе фигуры беззвучно растворились в темноте царско-сельских садов...

– Ваше высочество, – слышался где-то сзади голос фрейлины, которая пыталась вернуть Като в ее комнаты. – Выше высочество, где вы?

Но восьмилетняя Като уже отлично знала все дворцовые переходы и закоулки, чтобы надежно спрятаться от своих

воспитательниц. К тому же сегодня всем было не до нее: через несколько минут начнется церемония обручения старшей сестры, Александры, с королем Швеции Густавом. Сама невеста, ее родные и все придворные уже собрались в тронном зале, ждали только императрицу Екатерину и молодого короля.

Като проскользнула в зал и надежно укрылась за пышными складками парчового занавеса, почти закрывавшего огромное окно. На широком подоконнике можно было сидеть даже с ногами, а в узкую щелку портьеры, щедро расшитой золотом, видеть и слышать практически все, оставаясь невидимой. Теперь нужно было только подождать начала церемонии, а уж терпения у великой княжны было предостаточно, равно как и упрямства.

Девочка поудобнее устроилась в своем убежище и вздохнула. Как невыносимо оставаться ребенком в глазах окружающих! Скорей бы ей исполнилось хотя бы двенадцать лет, чтобы ее одевали как взрослую барышню, а не как куклу, с этими идиотскими панталончиками, короткими платьицами и прочей ерундой. Даже серьги ей пока еще не разрешали носить: только маленькие золотые колечки, чтобы не заросли ушки. Тоска...

Да, скорей бы подрасти! И тогда бабушка, императрица Екатерина, наверняка найдет ей самого лучшего жениха на свете: молодого принца, а лучше – короля, повелителя какой-нибудь сильной державы. И тогда она станет уже не од-

ной из великих российских княжон, а королевой. Как станет скоро старшая сестра Александра.

А как хороша Александрина сегодня! В белом длинном платье, расшитом серебряным позументом, с бриллиантовой диадемой на темно-русых волосах... Чудо, как хороша! Ведь ей еще только тринадцать лет, а она уже красавица, и с каждым днем все хорошеет и хорошеет. Кроме того, у нее очаровательные, мягкие манеры, которым Като тщетно пыталась подражать, светлый ум, доброе сердце. А скоро она станет королевой и будет сидеть на троне рядом со своим молодым супругом.

Като было известно, что милая Александрина, хотя и знала о своем женихе только с чужих слов и видела его портрет, похоже, уже любила его чистой, первой юношеской любовью. Да и слышала она о своем нареченном только хорошее. От всего остального бабушка-императрица тщательно оберегала свою старшую внучку, предоставляя политические переговоры дипломатам, а самые важные вопросы решала лично. То, что для Екатерины было политикой, для девочки-подростка казалось ее судьбой, тем более, что императрица и ее окружение настойчиво внушали это великой княжне. И Александра Павловна доверчиво покорялась своей прославленной, мудрой бабушке.

А вот и сама монархиня появилась в тронном зале при полном параде, с орденой лентой через плечо и любимой тростью с алмазным набалдашником. Като обожала смотреть

на торжественные выходы своей августейшей бабушки, обожала ее величавую поступь, гордо закинутую голову, поистине царские манеры. В такие моменты возраст Екатерины терял свое значение, она олицетворяла собой российскую монархию: гордую, могущественную, почти всесильную.

Вот кем на самом деле хотелось бы стать ее внучке: независимой самодержицей, монархиней, императрицей, а не чьей-то там женой, пусть даже и коронованной. Но – увы! – во всем мире Екатерина была единственной и неповторимой. Конечно, несколько лет назад еще была жива и правила австрийская императрица Мария-Терезия, и женщины постоянно соперничали между собой, не признаваясь в этом. Но теперь в Австрии правит ее сын-император.

Если бы еще Като была единственной внучкой Екатерины Великой, то действительно могла бы со временем стать Екатериной Третьей. Увы, существовали еще три брата, не считая трех старших сестер и двух младших. Унаследовать российский престол Като не могла никогда и понимала это уже сейчас. Не понимала она другого: почему вопрос о браках великих княжон вызывал такую озабоченность у ее царственной бабки. Ведь невест для внуков она нашла без всяких проблем, да еще выбирала из великого множества претенденток...

Старший, Александр, был на целых одиннадцать лет старше Като. Из обмолвок родителей – Великого князя Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны – девочка узна-

ла, что императрица проделала над долгожданным внуком немало воспитательных экспериментов. И не только с ним.

– Ее величество видит во мне только детородную машину, – донесся как-то до Като голос ее матери, которая была в кабинете у отца. – И так жестоко отбирает у меня моих крошек, едва они появляются на свет. Неужели она не понимает, что разбивает мне сердце?

– Ее величество, моя августейшая матушка, просто не знает, что такое сердце, – послышался резкий, ироничный ответ отца. – У нее сердца нет и никогда не было, она всегда меня ненавидела, а моего дорогого батюшку убила...

– Паульхен!

– Ну, приказала убить, какая разница. Она убийца, похитительница престола, настоящая Мессалина, а вы, мой друг, ждете от нее человеческих чувств...

В этот момент один из стоявших возле двери офицеров бесшумно прикрыл створку и больше Като ничего не услышала. Но слова «убийца», «Мессалина» и некоторые другие прочно застряли в ее головке и не давали покоя.

Убийца? Ее обожаемая бабушка, которая никогда на нее не сердится и не ругает ее, у которой вечно припасены какие-нибудь лакомства и маленькие сюрпризы для внушек – бессердечная убийца? А кто такая Мессалина?

– Мари, кто такая Мессалина? – спросила она вечером свою главную воспитательницу, фрейлину Алединскую.

– Это персонаж из древнеримской истории, – невозмути-

мо ответила та. – Супруга одного из римских императоров.

– Она его убила?

– Откуда вы это взяли, ваше высочество? Никто никого не убивал. И вообще в вашем возрасте рано интересоваться такими вещами. Придет время, вам все объяснят на уроках истории.

– А почему бабушка забирала моих братьев, Сашу и Костю, к себе? Матушка очень расстраивалась, да?

– Ее императорское величество желало воспитать своих внуков достойными продолжателями династии. И воспитала. А вам, ваше высочество, пора читать молитву и спать.

Вот так всегда было с Марией Алединской. Она отвечала на все вопросы, а ясности никакой не было. Но, пожалуй, была единственной из фрейлин, которая смогла завоевать доверие и расположение маленькой Като, и которой даже удавалось обуздывать порывы своей непредсказуемой воспитанницы...

Като слегка пошевелилась в своем убежище, чтобы не так затекали ноги. Где же жених? Кажется, ему надлежало быть в Тронном зале уже час тому назад. А его все нет и нет, только князь Платон Зубов, бабушкин любимец, снует туда-сюда с озабоченным видом, да главный дипломат, князь Безбородко, становится все мрачнее. Странно, право.

На свадьбе у Александра все было по-другому. Никаких озабоченных лиц, никаких дипломатов, только праздничное ликование. Пятнадцатилетний великий князь Александр

взял в жены четырнадцатилетнюю принцессу Баденскую Луизу, которую окрестили Елизаветой Алексеевной. Это была любовь с первого взгляда, как непрестанно повторяли тогда при дворе. Молодожены, едва вышедшие из юношеского возраста, были так очаровательны, что их называли не иначе, как Амуром и Психеей. Да и сейчас они – самая красивая пара при дворе.

Като поискала взглядом своего старшего брата и увидела, что он стоит неподалеку от императрицы, а его супруга рядом нервно обмахивается веером. Непохоже на Лизхен: она всегда такая спокойная, даже чуть холодноватая. И у Александра лицо совсем не праздничное.

Зато его брат, Константин, вместе со своей очаровательной супругой, похоже, заняты сами собой, а не тем, что происходит вокруг. Неудивительно: они женаты еще только полгода, и оба так молоды, что обожают всякие проказы. Вот и сейчас Константин исподтишка щекочет свою супругу Анну, миниатюрную брюнетку, а та старается сдержать неуместный здесь смех.

Позже Като узнала, что после женитьбы Константина, императрица Екатерина написала своему постоянному корреспонденту во Франции барону Гримму:

«...Теперь женихов у меня больше нет, но зато пять невест, младшей только год, но старшей пора замуж. Она и вторая сестра – красавицы, в них все хорошо, и все находят их очаровательными. Женихов им придется поискать днем

с огнем. Безобразных нам не нужно, дураков – тоже; но бедность – не порок. Хороши они должны быть и телом и душой. А где их таких найдешь? Да еще знатных, под стать царским дочерям!».

Като снова пошевелила окончательно занемевшими ножками. Да где же этот король? У бабушки Екатерины гневный и расстроенный вид, батюшка явно в бешенстве, а маменька что-то шепчет ему со злым и обескураженным видом. Александрина, прелестная, как ангел, в своем наряде невесты, бледна и с трудом сдерживает слезы. Что могло произойти с королем Густавом, который казался без памяти влюбленным в свою невесту? Почему не начинают церемонию обручения?

В этот момент Като заметила, что князь Платон Zubов, в очередной раз войдя в зал, подошел к Екатерине и что-то сказал ей. Императрица изменилась в лице, хотела что-то ответить, но так и осталась с открытым ртом. Ее камердинер Зотов бросился за стаканом воды. Все еще безмолвно сидевшая Екатерина выпила воду. Немного оправившись, она попыталась встать, потом сбросила с себя императорскую мантию и без сил опять опустилась в кресло.

Забыв обо всем на свете, Като спрыгнула с подоконника, выскользнула из-за портьеры и помчалась через весь зал к Екатерине, ловко скользя маленькими ножками по зеркальному паркету. Но на полпути угодила в не слишком нежные объятия своей матушки, Великой княгини Марии Фе-

доровны.

– Куда это вы собрались, мадемуазель? – сухо осведомилась она. – И кто вам позволил здесь находиться?

Като не успела ничего ответить: подоспевшая перепуганная фрейлина утащила ее из зала, так крепко держа за руку, что вырваться не было никакой возможности. Да великая княжна и не стала этого делать, сообразив, что если бы ее заметил отец – грозы бы не миновать, хотя она и считалась его любимицей. Нет, вызывать недовольство папеньки ни в каком случае не следует. Потом она у все узнает у Мари, своей старшей сестры, которой уже было десять, и которая – вот счастливица! – здесь, на церемонии, одетая уже по-взрослому.

Но следующее утро принесло еще меньше радости. Александрина заперлась в своей комнате и оттуда доносились горькие рыдания. Родители уединились в своих покоях и никто не смел их беспокоить. Като решила навестить бабушку-императрицу, но воспитательница, генеральша Ливен сказала, что их Величество страдают мигренью и не выходят из своей спальни. Оставалось только сестрица Мари, хотя Като побаивалась, что толку от нее будет мало.

– Что вчера было на обручении? – шепотом спросила она, когда сестры на несколько минут остались вдвоем в классной комнате. – Почему сегодня все такие... мрачные?

– Этот надутый индюк Густав не соизволил приехать во дворец, – выпалила Мари. – Он, кажется, возомнил себя

невесть кем.

– Не приехал? – поразились Екатерина. – Совсем? Он заболел?

– Если бы, – фыркнула Мари. – Наш распрекрасный король, кажется, раздумал жениться. Но в первый раз ему хотя бы пытались подсунуть эту горбатую уродку, принцессу Мекленбургскую. А наша Александрина...

– Странно, – задумчиво произнесла Като. – Король казался мне настоящим рыцарем, а рыцари так не поступают.

– Вам еще рано рассуждать о таких вещах, ваше высочество, – сказала генеральша Ливен, вернувшаяся в этот момент в комнату. – Это государственные дела, политика, в которую женщины вообще не должны вмешиваться...

– Скажите это императрице, мадам, – ядовито ответила Като. – Ей наверняка понравятся ваши рассуждения.

Воспитательница багрово покраснела, но все-таки нашла:

– Ваша августейшая бабушка – необычная женщина. Когда вы станете такой же монархиней, как она, что маловероятно...

– Посмотрим, – фыркнула Като. – Я-то обязательно буду носить корону, когда выйду замуж. Например, за внука французского короля. Он очень обаятельный...

– Ваше высочество, – ледяным тоном отозвалась воспитательница, – девице в вашем возрасте не пристало говорить о подобных вещах. Предоставьте событиям идти своим че-

редом.

О том, что на самом деле произошло накануне в Тронном зале Зимнего дворца, Като узнала только несколько лет спустя. Заключая брачный договор старшей внучки со шведским королем, русская императрица настаивала на том, что будущая королева сохранит свою религию. Первоначально никто против этого не возражал, но когда договор оставалось только подписать, обнаружилось, что пункта о вероисповедании там просто нет. А сам король Густав, еще даже не достигший совершеннолетия, категорически отказывался обсуждать эту тему.

Густав-Адольф с детства привык к проявлению поклонения и восхищения, столь обычных при королевских дворах и вообще в придворной среде. Противоречий он не терпел вообще, самолюбие его было непомерным до болезненности. Кроме того, за образец поведения он взял не слишком привлекательную личность из своих предков – короля Карла Двенадцатого, современника и извечного врага Петра Великого, так что грубые солдатские выходки были для юного короля в порядке вещей, равно как и достаточно пренебрежительное отношение к женщинам вообще.

Ирония судьбы заключалась в том, что в глубине души Густав был к религии совершенно равнодушен и прибегал к ней лишь тогда, когда это было выгодно ему по тем или иным причинам. В общем, характер у молодого монарха был не слишком приятным, но из красивого мальчика он пре-

вратился в красивого юношу, чем невольно привлекал к себе людей. В большинстве своем, конечно, женщин, которые пленялись его внешностью и порой совершенно теряли головы.

Даже Екатерина, отменно разбиравшаяся в людях, при личной встрече с королем Густавом, который приехал просить руки ее старшей внучки, была приятно удивлена благородством осанки семнадцатилетнего короля, который выглядел вовсе не «королем-ребенком» и вел себя естественно и вежливо. Высокий, стройный, приятный в общении юноша старался держаться с важностью, подобающей монарху.

И вот в день обручения, 11 сентября 1796 г., оказалось, что статью о вероисповедании будущей королевы исключили из брачного договора по приказанию короля А в ответ на все настояния раздраженно ответил: «Нет, не хочу!» И, рассерженный, ушел в свою комнату, хлопнув дверью и заперев ее на ключ. Через несколько дней короля Густава со свитой уже не было в России.

А маленькая Като на всю жизнь усвоила: внешность обманчива. Прекрасный принц стал в ее глазах отвратительным чудовищем, сделавшим несчастным всю их семью. Более того, косвенно он стал причиной того, что обожаемая бабушка занемогла. Императрица, уже видевшая свою старшую внучку шведской королевой, слишком близко к сердцу приняла свое поражение. Подозревали, что в тот злосчастный день Екатерину постиг легкий апоплексический удар.

Но в моральном, а не физическом плане это был уже второй серьезный удар по неколебимому доселе авторитету «Семирамиды Севера». Первый же ей совершенно неожиданно нанесла невестка – вечно покорная свекрови и угодливая до приторности Великая княгиня Мария Федоровна.

Когда в апреле того же, 1796 года, она родила третьего сына и девятого по счету ребенка – Николая, Екатерина пригласила ее на частную беседу. В исходе этой беседы императрица тогда не сомневалась, равно как и в том, что ее старшая внучка вот-вот станет шведской королевой.

– Мадам, я прошу вас подписать вот это, – будничным тоном сказала императрица, протянув невестке какой-то документ.

Мария Федоровна прочла – и похолодела. Свекровь предлагала ей «всего-навсего» подписать акт, согласно которому она признавала необходимость передачи престолонаследия Российского трона не мужу, Великому князю Павлу Петровичу, а их старшему сыну – Александру.

– Я не могу это подписать, Ваше Величество, – пролепетала она.

– Отчего же? – холодно осведомилась Екатерина.

– Это же... это же незаконно.

– Почему? И вы, и я прекрасно знаем, что мой сын не в состоянии управлять таким государством, как Россия. Его умственные способности...

– Его высочество, мой супруг...

– Пошел в своего батюшку, у которого тоже были нелады с головой, – перебила ее Екатерина. – Подписывайте, мадам. Тогда после меня государство перейдет в руки идеального монарха.

– Нет! – неожиданно твердо ответила Мария Федоровна. – Я не могу предать собственного мужа, отца своих детей.

– Тогда ждите сюрпризов, – надменно фыркнула Екатерина. – Впрочем, я всего лишь хотела знать ваше мнение, и эта подпись – пустая формальность, которая ничего не решает. Я вас больше не задерживаю, милочка.

Вернувшись к себе в Гатчину, великая княгиня тут же написала письмо Александру, в котором просила его также отклонить предложение бабушки, чтобы не стать причастным к позору унижения своего отца. «Дитя мое, держись, ради Бога, – взывала она к нему. – Будь мужествен и тверд. Бог не оставляет невинных и добродетельных».

Втайне Екатерина надеялась, что решение примет сам Александр, и очень рассчитывала на то влияние, которое имел на него воспитатель, швейцарец Лагарп. Императрице не раз доносили о том, что воспитатель позволяет себе говорить со своим подопечным о вещах, которые привели Францию к катастрофе.

Однако больше всего Екатерину заботило то, как воспользоваться влиянием этого человека на своего ученика, с тем чтобы он внушил ему, если представится случай, согласиться унаследовать императорскую корону вместо своего отца.

Пригласив Лагарпа, она, без особых предисловий, заявила:

– Я рассчитываю на вашу поддержку, месье. Точнее, на то влияние, которое вы имеете на моего внука. Укрепите его в мысли о том, что он должен унаследовать трон после меня.

– Но...

– Знаю, законный наследник мой сын. Но вы же не будете отрицать, что Великий князь Павел... не совсем уравновешен и не способен мыслить в государственных масштабах.

– У его высочества своеобразный, но очень живой ум, – попробовал было возразить Лагарп.

Но императрица властным жестом прервала его:

– Слишком живой. И слишком своеобразный. Короче, я желаю видеть своим наследником великого князя Александра Павловича, а впоследствии – его детей.

– Я не чувствую себя вправе взять на себя такую ответственность, – самым почтительным тоном, но совершенно непреклонно, ответил Лагарп.

Лицо императрицы окаменело. Она давно отвыкла от возражений, да еще со стороны какого-то преподавателя-швейцарца. Застывший взгляд императрицы яснее всяких слов дал понять Лагарпу, что его карьера при российском дворе закончена: Екатерина сурово карала и за меньшие прегрешения. Почтительно раскланиваясь и пятясь, он ретировался, ожидая немедленного изгнания.

Но... его не последовало. Тогда наивный швейцарец, решив, что императрица поняла всю несправедливость своих за-

мыслов и отказалась от планов изменения порядка престолонаследия. И не нашел ничего лучшего, как попытаться в последующие дни наладить сближение своего воспитанника с отцом, внушая ему принципы сыновей почтительности и привязанности.

В результате Александр несколько раз в беседах с отцом, как бы обмолвившись, называл Павла «Ваше императорское величество», что очень понравилось «вечному наследнику», но просто взбесило Екатерину, естественно, узнавшей об этих обмолвках практически мгновенно.

Ее реакция тоже оказалась мгновенной. Вторично вызвав Лагарпа к себе в кабинет, императрица, не раздумывая, подписала документ об его увольнении и вручила ему. Александр, весь в слезах, только сокрушался, то ли не имея возможности, то ли не желая что-либо изменить в отношении любимого воспитателя.

Павел же однозначно воспринял увольнение и удаление от двора Лагарпа, как меру, направленную Его Величеством прежде всего против него самого. Великий князь высоко ценил этого человека, единственного пожалуй, на то время, с мнением которого он как-то считался.

– Это все она, ее козни, – кричал он, бегая по кабинету, где в кресле неподвижно сидела его супруга. – Изолировать меня, лишиться всего, запереть в крепость, убить, как отца! Эта мегера, эта старая развратница хочет восстановить против меня даже родного сына!

– Паульхен, успокойтесь, – умоляюще сказала его супруга. – Александр любит вас и никогда...

– Говорят, что она вместе с Безбородко часами редактирует текст этого проклятого манифеста о престолонаследии, и он вот-вот будет публично оглашен! Говорят...

– Бог милосерд, Паульхен, – неожиданно твердо ответила Мария Федоровна. – Уповайте на него, и я уверена, вы вскоре станете императором. С вашего позволения, я пойду к себе помолюсь.

Павел выразил свое согласие резким кивком головы и снова забегал по кабинету. А Мария Федоровна отправилась к себе в часовню, но... Но задержалась там лишь на несколько минут, а затем проскользнула в потайную боковую дверь, о которой знал только ее священник.

В нелегкой жизни супруги «вечного наследника» вообще было немало загадочного. Ее считали недалекой простушкой, ханжой и модницей, а она много читала, прекрасно разбиралась в искусстве, недурно рисовала и даже занималась резьбой по камню. Увлекалась она и химией, что было вообще не свойственно дамам из высшего света, тем более – особе такого ранга.

На следующий день она попросила аудиенции у императрицы. К великому изумлению Екатерины, невестка на сей раз выразила полную готовность подчиниться воле августейшей свекрови и обещала уговорить своего супруга добровольно отречься от трона и уехать куда-нибудь в Германию.

Его нервы расстроены, здоровье слабеет...

— Вы доставили мне большую радость, мадам, — скрывая удивление сказала Екатерина. — И проявили себя истинно любящей матерью и заботливой супругой. Надеюсь, вы выпьете со мной чаю, сейчас как раз время.

— Сочту за честь, ваше величество, — склонилась в низком реверансе ее невестка.

— Но прежде я должна принять свои капли. Вас не затруднит подать мне их с того столика?

Через мгновение Мария Федоровна протянула императрице небольшой пузырек темного стекла и даже помогла накапать лекарство в стакан с водой. Императрица, всегда обладавшая железным здоровьем, ненавидела лечиться, но годы брали свое. Она осушила стакан двумя глотками и протянула его невестке.

— Вы очень любезны, милая.

— Ах! — воскликнула Мария Федоровна. — Какая я неуклюжая!

Тонкий стакан выскользнул у нее из рук и разбился на мельчайшие осколки...

Два дня спустя курьер из Санкт-Петербурга привез в Гатчину срочное послание великому князю Павлу Петровичу. Вскрыв пакет, Павел быстро пробежал глазами письмо и застыл, словно разом утратил способность говорить и двигаться. Потом, очнувшись, схватил с письменного стола бронзовый колокольчик и яростно затряс им.

– Великую княгиню ко мне. Быстро! – сипло заорал он вбежавшей перепуганной прислуге. – Лошадей закладывать! Быстро! Поворачивайтесь, черт вас дери!

Мария Федоровна прибежала сама, услышав крик мужа.

– Что, Паульхен, что?! Манифест?

– Императрица при смерти, – уже тише ответил Павел, и в глазах его вспыхнули какие-то дьявольские огоньки. – Мы едем в Зимний. Немедленно!

– Что с ее величеством? – затаив дыхание спросила Мария Федоровна.

– Откуда я знаю?! Она без памяти. Пишут, похоже на удар.

Мария Федоровна истово перекрестилась.

– Молиться будете потом, мадам, – снова заорал Павел. – Дорога каждая минута, пока кто-нибудь не добрался до ее бумаг. Да собирайтесь же!

– А дети?

– Вы спятили, сударыня? Великим княжнам пока ни слова. А Александр и Константин уже в Зимнем...

Екатерина скончалась к вечеру того же дня, так и не придя в сознание. «Апоплексический удар», – объявили врачи без особой уверенности в голосе. Они применяли все известные им средства, чтобы хоть как-то облегчить положение умирающей, но все было бесполезно.

Императрица еще дышала, когда благодетельствованный ею князь и канцлер Безбородко собственноручно, коленопреклоненно поднес Павлу те документы, которые могли ли-

шить его престола. Тело Екатерины еще не успело остыть, когда от ее последней воли остался лишь пепел.

Все присутствовавшие склонили головы перед новым императором. Новая императрица истово молилась у изголовья свекрови, лицо которой и в смерти было искажено гримасой страданий. Мария Федоровна изредка бросала взгляд на эту жуткую маску и молилась еще горячее, но, вопреки своему обыкновению, не плакала, хотя обычно проливала обильные слезы по куда менее значительному поводу.

– Когда ваше императорское величество изволит назначить день погребения? – осведомился князь Безбородко. – И каковы должны быть приготовления?

Внезапно лицо Павла исказила жуткая гримаса, отдаленно напоминавшая злую усмешку:

– Не торопитесь, князь. Тело должно быть набальзамировано. Потом я отдам дальнейшие распоряжения, но не раньше, чем приму присягу своих верноподданных.

Безбородко низко поклонился и, пятясь, отошел от своего нового повелителя. Канцлер надеялся, что Мария Федоровна задаст супругу тот же вопрос, и наступит некоторая ясность, но новоиспеченная императрица даже головы не повернула в сторону своего супруга, а, в последний раз перекрестившись, величаво выплыла из покоев Екатерины.

На следующий день один из придворных врачей, проводивших бальзамирование тела усопшей Екатерины, попросил приватной аудиенции у нового императора. Павел при-

нял его с плохо скрытыми удивлением и досадой: его занимали совсем иные помыслы, а не процедура подготовки тела матери к погребению.

– Что? – резко спросил он у врача, даже не потрудившись оторвать взгляд от лежавших перед ним бумаг.

– Ваше величество... Ваше императорское величество, я счел своим долгом верноподданного сообщить вам, что ваша августейшая матушка, судя по всему, умерла не от удара.

– Очень важная новость! – злобно фыркнул Павел. – А от чего же?

– Императрица была отравлена каким-то неизвестным нам ядом...

Павел резко вскочил из-за стола и пинком отшвырнул кресло. Лицо его стало таким, что по спине несчастного врача пробежал почти могильный холод.

– Кто еще знает об этой вашей фантазии? – гневно осведомился он.

– Я никому не говорил, – пролепетал врач. – Просто увидел определенные симптомы...

– Во сне вы их увидели, – шепотом, еще более страшным, чем крик, отозвался Павел. – И если станете кому-то пересказывать ваши сновидения... Мне плевать, отчего сдохла старая сука! И если ее кто-то отравил, то я не собираюсь выяснять, кто именно, потому что этого неизвестного надо не казнить, а награждать. Вам все понятно?

– Все, ваше императорское величество, – пролепетал

врач. — Императрица Екатерина скончалась от апоплексического удара.

— Вон отсюда, — холодно приказал Павел.

Оставшись один, он заметался по кабинету, переполненный противоречивыми чувствами. Значит, старую развратницу отравили? Кто же? Кто этот добрый дух, которого он, конечно же, не станет разыскивать. Следствия не будет. Отец ведь скончался от геморроидальных колик, если верить официальным заявлениям? Ну, а мать — от удара. И пусть только кто-нибудь попробует рот раскрыть.

Павел хотел было пойти к жене и поделиться с ней своими чувствами, но тут же передумал. Мария Федоровна набожна и сентиментальна, она придет в ужас, потребует отыскать злодея... Нет, это будет его тайна и только его. А теперь надо додумать то, о чем он размышлял перед приходом этого остолопа-врача. План должен быть отшлифован до мельчайших деталей.

Не ставя никого в известность, Павел решил выместить на матери всю злобу, накопившуюся у него за все годы ожидания престола. Только через месяц после того, как гроб с телом Екатерины был выставлен для проведения прощальной церемонии, он дозволил предать ее прах земле, назначив день похорон.

Но прежде всего он считал своим долгом восстановить справедливость и отдать последнюю дань уважения скончавшемуся тридцать четыре года назад Петру III, так и не успев-

шему поцарствовать. В свое время Екатерина распорядилась тихо и без особых почестей захоронить супруга в Александро-Невской лавре, и его могила с тех пор оставалась там в забвении.

Став императором, Павел потребовал, чтобы гроб с останками его отца был изъят и доставлен в Зимний дворец. При вскрытии в гробу обнаружили лишь некоторые фрагменты скелета, шляпы, перчаток и сапог покойного. Эти реликвии были тут же сложены и закрыты в новом гробу, затем с большой помпой доставлены в Зимний, где гроб Петра III был установлен в колонном зале рядом с гробом своей преступной супруги Екатерины.

Павел повелел выставить у их подножия табличку с надписью: «Разделенные при жизни, соединившиеся после смерти». Весь Санкт-Петербург прошел перед сдвоенным катафалком под пристальным взглядом Его Величества. Знатные сановники, придворные, дипломаты медленно один за другим молча отдавали дань почтения усопшим, участвуя в траурной мизансцене, поставленной самим императором.

После церемонии публичного прощания тела усопших были перенесены в собор Петропавловской крепости. Двадцативосьмиградусный мороз парализовал город. Колокола звонили отходную над траурным шествием людей, трясущихся от холода. Но его медленным прохождением по заснеженным улицам Санкт-Петербурга Павел еще раз хотел подчеркнуть искупительный характер этой процессии.

Но кто теперь в народе мог вспомнить Петра III? На пути следования траурного шествия народ оплакивал не его, а «бедную матушку Екатерину». Внутренняя часть огромного собора была битком забита людьми. Священники в черных ризах, вышитых серебром, совершали обряд отпевания сразу двух усопших – отца и матери вновь испеченного монарха.

Долгое царствование Екатерины, которым восхищалось столько людей, имело в глазах Павла дьявольский характер. Даже если она и была благословлена церковью в тот великий день, он не мог простить ей ее преступления. Недостойные поступки покойной не должны, как надеялся он, безнаказанно уйти вместе с ней. Нужно было вытоптать, уничтожить саму память о мужеубийце и похитительнице престола, о похотливой старой мегере и ее «золотом веке».

На юную Като церемония похорон произвела неизгладимое впечатление. Но больше всего ее поразило то временами прорывавшееся почти ликование, которое можно было заметить в стоявшем у гробов родителей императора. Не по годам рассудительная, она понимала, что дожидаться трона чуть ли не сорок лет – занятие малопривлекательное, особенно если больше и заняться-то нечем. Но так выражать свою радость...

– Мари, папенька совсем не любил бабушку? – спросила как-то Като свою ближайшую фрейлину, когда та готовила ее ко сну.

Мадемуазель Алединская чуть не выронила из рук ночную рубашку своей питомицы. Конечно, дети многое понимают, но такой вопрос для десятилетней девочки был слишком уж шокирующим.

– Поступки монархов волен судить лишь Господь Бог, – нашла, наконец, фрейлина.

– Разве не Господь повелел «Чти отца своего и мать свою?» – не унималась Като.

Мария Алединская глубоко вздохнула:

– Поговорите об этом с вашей августейшей матерью, ваше высочество. Подданным негоже обсуждать поступки и помыслы своих монархов.

– Хорошо, – согласилась Като, укладываясь в кровать, – поговорю. Но когда я буду монархиней...

Фрейлина улыбнулась:

– Неприлично юной особе рассуждать о своем будущем, сказала бы вам на это мадам Ливен. Когда вы будете монархиней, Ваше высочество, ваши планы могут серьезно измениться. Так что давайте не будем торопить события.

Фрейлина Мария Алединская со временем стала чуть ли не единственным другом великой княжны и поверенной всех ее тайн. Так что «юная особа», не раздумывая, высказывала своей наперснице все, что приходило на ум. И прекрасно знала, что та никогда и никому на нее не пожалуется.

Мария Алединская была рядом с Като столько, сколько Като себя помнила. Говорили, что до этого она была чти-

цей у императрицы Екатерины, причем чтницей любимой, но откуда эта молодая женщина появилась во дворце, никто толком не знал. Происхождения она была не знатного, так, мелкопоместная дворянка, круглая сирота, явно стесненная в средствах. Внешностью тоже не блистала и к тому же проявляла крайне мало интереса к мужчинам: излюбленной теме разговоров при дворе Екатерины.

Поговаривали, что мадемуазель Алединская на самом деле незаконная дочь князя Потемкина, который и пристроил ее в штат к Екатерине, но доказательств не было никаких. По еще одной версии Марию с рекомендательным письмом прислал из Англии кто-то из русского посольства, к кому благоволила императрица. Действительно, девушка прекрасно говорила по-английски, но и только. Русский язык ее вообще был безупречен – огромная редкость при дворе, – но выговор был какой-то странный, не петербургский.

Впрочем, фрейлина Алединская избегала каких-либо разговоров о себе, и вплоть до кончины Екатерины довольно часто бывала у государыни, которая любила беседовать с ней наедине. Но поскольку никаких видимых преимуществ эта близость к императрице девушке не приносила, завистников у нее не было.

У нее вообще никого не было, кроме ее своенравной воспитанницы. И в ней она явно души не чаяла, хотя и старалась это скрыть под внешней сдержанностью. Но Като, с ее обостренной интуицией, великолепно понимала, что эта

неприметная, тихая женщина – самый близкий ей человек.

Вторым же близким человеком совершенно неожиданно стал старший брат, теперь наследник престола Александр, который, несмотря на разницу в одиннадцать лет, предпочитал общество младшей сестры всем прочим.

Началось это как раз после неудачного сватовства шведского короля к Александре: столкнувшись через несколько дней в одном из дворцовых переходов со старшим братом, Като вдруг выпалила:

– Почему вы не вызвали на дуэль этого надутого шведского индюка?

Александр опешил. Такие слова из уст восьмилетней девочки звучали по меньшей мере странно.

– Короли не сражаются на дуэлях, – осторожно ответил он. – Особа монарха священна и неприкосновенна.

– Но вы-то еще не монарх! – фыркнула Като. – Если бы я была мужчиной, я бы... я бы...

– Ну, и что бы вы сделали? – улыбнулся Александр.

– Я бы заколола его шпагой! Я бы подсыпала ему яд в утренний кофе! Я бы заточила его в самый темный каземат Петропавловской крепости...

– Пожалуй, к лучшему, что вы родились не мужчиной, – уже серьезно отозвался Александр. – Примерно так же рассуждает Константин, а он...

Александр оборвал фразу на полуслове. Впрочем, ни для кого не было секретом, что Великий князь Константин обла-

дал, мягко говоря, неуравновешенным характером, был подвержен странным припадкам гнева и совершал массу недуманных поступков, последствия которых потом приходилось улаживать. Боялся он, пожалуй, только императрицы и своего отца...

В отличие от своего старшего брата и сестер, Константин не проявлял абсолютно никаких склонностей к учению. Все его помыслы были заняты ружьями, знаменами и алебардами, больше всего на свете он обожал играть в солдатики и порой чересчур уж напоминал императрице Екатерине ее покойного мужа, незадачливого императора Петра Третьего.

Повзрослев и даже женившись, Константин фактически оставался большим ребенком, всегда уступающим любым своим желаниям и бросавшим занятия ради развлечений. Одновременно он терроризировал свою супругу – великую княгиню Анну Федоровну, урожденную принцессу Юлиану Саксен-Кобургскую, – почти с садистской изощренностью. Поступки великого князя могли подчас навести на мысль о его безумии. Он являлся в апартаменты жены в шесть часов утра и заставлял ее до завтрака играть на клавесине военные марши, аккомпанируя ей на барабане. А периодически мог и поднять на нее руку.

Даже пребывая в благодушном настроении, он любил пугать присутствующих, стреляя в коридоре Мраморного дворца из пушки, заряженной живыми крысами. Так что доставалось и всем окружающим Константина. Во дворце,

к тому же, находилась специальная холодная комната, куда по его приказу сажали провинившихся придворных.

В тот раз разговор так и остался незаконченным. Александра ждали дела. Но он этого разговора не забыл, как не забыл и того изумления, с которым открыл в своей младшей сестре сильный, чуть ли не мужской характер. С таким он сталкивался впервые в жизни, если не считать, конечно, бабушки. Супруга же его, Великая Княгиня Елизавета Алексеевна была особой замкнутой, молчаливой, склонной к излишней сентиментальности, и если и обладала каким-то характером, то это пока никак не проявилось.

Впрочем, супруга Александра была еще слишком молода, как и он сам, да к тому же сторонилась пышных увеселений и сплетен «большого двора» Екатерины, равно как и скучно-размеренного, устроенного на прусский манер «малого двора» родителей своего мужа.

Близость же самого Александра к «большому», екатерининскому двору имела скорее отрицательные, нежели положительные последствия. С детства великий князь видел образцы виртуозного лицемерия и откровенного цинизма, прикрываемого разговорами об идеалах просвещенной монархии, об увлечении трудами французских философов-энциклопедистов. Все это увенчивалось чередой фаворитов, проходивших через спальню стареющей императрицы, и вряд ли могло вызвать у юноши одобрение или хотя бы понимание.

Неприкрытая вражда между отцом и бабушкой заставляла

Александра вращаться между различными дворами, иметь два парадных обличья, двойной образ мыслей. Каждую неделю он должен был быть у отца в Гатчине на субботнем параде, где изучал жесткие бесцеремонные казарменные нравы вместе с казарменным непечатным лексиконом, а вечером вращался в избранном обществе Екатерины, где говорили только о самых высоких политических делах, вели самые остроумные беседы, шутили самые изящные шутки, а грешные дела и чувства облекали в самые опрятные прикрытия...

Александр знал изящную грязь бабушкиного салона, как и неопрятную грязь отцовской казармы, но его не познакомили с той здоровой житейской грязью, испачкаться в которой благословил человека сам бог. Он не был приучен ни упорно трудиться, ни самостоятельно работать. Его не познакомили с той действительностью, которой он должен был управлять.

Этого Екатерина, при всем своем уме, предвидеть и предотвратить так и не смогла. В результате Александр рано научился скрывать свои истинные мысли и чувства, находясь между любящей бабкой и гонимыми этой же бабкой его родителями. Из прекрасного принца сформировался в общем-то несчастливый, внутренне одинокий человек, боявшийся поверять кому-либо заветные думы. Сложный душевный мир этой бесспорно одаренной личности оставался непостижимым для всех.

У этого «Сфинкса, не разгаданного до гроба», как скажет

об императоре Александре I поэт, умный и ядовито-насмешливый князь Петр Андреевич Вяземский, не могло быть близости с отцом, несомненно нуждавшимся в мужской дружбе с подраставшим старшим сыном. Не могло быть близости с матерью, от которой его отлучили сразу после рождения. И не могло быть настоящей дружбы с братом-погодком Константином, который явно страдал какой-то душевной болезнью.

От супруги же, после нескольких лет полу-любви полу-дружбы Александр отдалился не без влияния дворцовых сплетен. Ходили упорные слухи о том, что дочь Елизаветы и Александры, принцесса Мария, на самом деле является дочерью ближайшего друга Александра, князя Адама Чарторыжского, с которым Елизавету свел сам же идеалист-супруг. Хотя единственным «веским» доводом незаконного происхождения принцессы Марии были ее темные волосы.

Великий князь Павел Петрович, присутствуя при крещении своей первой и пока единственной внучки, ядовито спросил у генеральши Ливен, воспитательницы его дочерей:

– Как может быть, чтобы у родителей-блондинов родилась дочь-брюнетка?

– Бог всемогущ, Ваше высочество, – только и нашлась многоопытная придворная дама.

Ответ, который Павла, естественно, не удовлетворил, да и тепла в отношении к невестке не прибавил. Окончательно же он возненавидел жену старшего сына после того,

как узнал, что несостоявшийся супруг его старшей дочери, шведский король Густав, женится на родной сестре Елизаветы, принцессе Фредерике Баденской. Об этом своем решении Густав сам уведомил императора Павла, отправив ему письмо через посла. Тот передал письмо во время одного из балов, чем невольно расстроил веселье: Павел, прочитав послание шведского короля тут же, на балу, не мог скрыть своего гнева.

Как и его супруга, которая на следующий же день велела просить к себе великую княгиню Елизавету. Против своего обыкновения, Мария Федоровна держала в руках газету, которую, по-видимому, только что читала. Невестку она встретила с плохо скрытым бешенством:

– Это что значит? Шведский король женится на вашей сестре?

– В первый раз слышу, – мужественно отозвалась великая княгиня.

– Это напечатано в газетах!

– Я их не читала.

– Не может быть! Вы знали! Мать ваша назначает встречу шведскому королю в Саксонии и везет туда с собой вашу сестру.

– Мне писали, что мать моя собирается поехать в Саксонию для свидания с тетушкой. Другой ее цели я не знаю.

– Неправда! Не может этого быть! Это недостойный поступок по отношению ко мне с вашей стороны. Вы не откро-

венны со мной. По вашей милости лишь из газет я узнаю об обиде, которую наносят моей бедной Александрине. Это просто низко!

– Но, право, я не виновата.

Великая Княгиня Елизавета произнесла эти последние слова в сильном волнении и даже раздражении из-за сделанной ей свекровью неприятной сцены. В конце концов, она вообще не была обязана докладывать свекрови о событиях в своей родной семье. Хотя императрица, по-видимому, придерживалась иного мнения.

Елизавета отказалась от предложенного императрицей чая, хотя свекровь, желая, видимо, несколько сгладить ситуацию, собственноручно разлила его по чашкам, ни прибегая к помощи слуг. Но отказ невестки так взбесил ее, что она выплеснула содержимое ее чашки в камин, а затем запустила туда же и сам хрупкий фарфоровый предмет.

Император ничем не выражал своего неудовольствия великой княгине лично, но в то же время позволял себе резкие и колкие выходки против невестки без всякого на то повода. Впрочем, он в точности так же относился и к супруге Великого князя Константина, и к собственным сыновьям, а постоянной жертвой его гневных и необузданных поступков была супруга. Которая, естественно, отыгрывалась на невестках.

После неудачного сватовства Густава IV к великой княжне Александре Павел Петрович хоть и назвал свою дочь жертвой политических расчетов, считая виновной во всем

происшедшем нелюбимую мать-императрицу, но и сам через три года оказался в подобной же роли.

В то время Австрия, объявив войну революционной Франции, изо всех сил стремилась привлечь на свою сторону Россию в качестве союзника. Не мудрствуя лукаво, австрийские дипломаты прибегли к известному с давних пор девизу государства: «Ты, Австрия, брачуйся». Другими словами, основным дипломатическим методом имперцев были выгодные династические браки. И в 1798 г. с их стороны поступило предложение о браке Александры Павловны и эрцгерцога Иосифа, брата австрийского императора. Павел отнесся к этому положительно, усмотрев с таком союзе противовес против все более набиравшего силу Наполеона, и великая княжна опять стала игрушкой в дипломатических играх.

Об обручении Александры Павловны и эрцгерцога Иосифа договорились необычайно быстро, причем параллельно шли переговоры о браке второй дочери Павла – Елены – с наследственным герцогом Мекленбургским-Шверинским Фредериком, также закончившиеся успешно. Император, как всегда, действовал стремительно и бесчисленных церемоний не устраивал. В честь двойного обручения был дан довольно скромный бал, и женихи отбыли из Петербурга в свои владения готовиться к приему будущих жен.

– Мари, – спросила Като свою фрейлину незадолго до бракосочетания своей сестры, – почему все так спешат избавиться от Александрины? И Елену срочно выдают замуж, хо-

тя она ненамного старше меня?

– Это политика, ваше высочество, – осторожно ответила фрейлина. – Высокая политика, в которой задействованы только высокие персоны.

– Но сестры почти не знают своих женихов! И не любят их!

– Особы царской крови чрезвычайно редко вступают в брак по любви. Корона, к которой вы, ваше высочество, так стремитесь, мало кого делает счастливым. Особенно женщин.

– Значит, мои сестры будут несчастны?

– Боюсь, что если даже случится чудо, счастливы они будут недолго. На месте ваших августейших родителей, я бы включила в свиту каждой из великих княжон несколько преданных им лиц...

– Зачем?

– Предосторожность никогда не бывает лишней, – туманно ответила фрейлина и перевела разговор на другую тему.

Императорская столица давно, еще со времен Екатерины II, так не веселилась... Венчание Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом и Елены Павловны с герцогом Мекленбургским произошло в середине октября 1799 года. На сей раз торжества, посвященные двум парам новобрачных, были пышными и растянулись на целый месяц.

Их с особым удовольствием устраивала императрица Мария Федоровна. Она была счастлива еще и потому, что

на этот раз брак старшей из ее дочерей состоялся без каких-либо осложнений, что можно порадовать праздниками теперь уже великих княгинь Александру и Елену. А они проводили в родном Петербурге последние недели. Затем пришло время собираться в дорогу.

Первой покинула родину Александра Павловна, великая княгиня, палатина венгерская. Сохранились свидетельства, что Александра Павловна, несмотря на юный возраст, была словно томима роковыми предчувствиями: была очень грустна, тосковала, считала, что на чужбине ее ожидает скорая кончина.

И сам отец-император расстался с ней с чрезвычайным волнением. Он беспрестанно повторял, что не увидит ее более, что ее приносят в жертву. Мысли эти приписывали тому, что, будучи в то время справедливо недовольным политикой Австрии относительно его, государь полагал, что вручает дочь своим недругам. Впоследствии часто вспоминали это прощание и приписывали все его предчувствию.

Действительно, Александрина скончалась, произведя на свет мертвого ребенка, за несколько дней до трагической гибели самого императора Павла. Ей не исполнилось и девятнадцати лет...

После отъезда Александры Павловны в Вену Елена Павловна, теперь уже наследная принцесса Мекленбург-Шверинская, еще месяц пробыла в своей семье и накануне Нового года, по первому санному пути, отправилась в дорогу.

В середине сентября 1800 г. в Петербурге было получено известие о рождении у Елены Павловны первенца – сына Павла-Фридриха. После рождения дочери в 1803 г. принцесса умерла. Ей, как и старшей сестре, не исполнилось еще и девятнадцати лет...

Узнав о смерти второй сестры, Като вспомнила давний разговор со своей фрейлиной. Ни при Александрине, ни при Елене не было никого из преданных им русских придворных дам. И подлинная причина столь ранней смерти обеих так и осталась неразгаданной: все потомство Екатерины унаследовало ее железное здоровье, да и Мария Федоровна практически никогда ничем не болела. Сама Като могла сутками отплясывать на балах, часами скакать по окрестностям Гатчины или Павловска и не знала, что такое даже легкое недомогание.

Но это было уже после того, как в жизни самой Като, да и всей России, кстати, произошли огромные, можно сказать, судьбоносные перемены. А пока... пока перемен было много, только, учитывая непредсказуемый характер императора Павла, ничего, кроме хаоса, они в жизнь России не вносили.

Весной 1800 года, зайдя к матери с обычным утренним визитом, Като неожиданно обнаружила, что подавленная и печальная в последнее время императрица необыкновенно оживлена и даже радостна. То же самое радостное оживление царило и среди ее окружения.

– Вы получили хорошие вести, маменька? – осторожно

спросила Като.

В тринадцать лет она была уже вполне взрослой, светской девицей и прекрасно понимала, что прямые вопросы царственным особам задавать неприлично.

– Да, дитя мое, – улыбнулась Мария Федоровна. – Приезжает мой племянник, Евгений, принц Вюртембергский.

Привязанность матери к своим немецким родичам была прекрасно известна Като. Известно ей было и стремление укрепить эти родственные узы все новыми и новыми брачными союзами. Неужели родители решили выдать ее замуж за кузена? Да еще не обладавшего фактически ни престолом, ни государством, ни даже перспективами стать впоследствии монархом?

«Остается надеется, что папенька поступит с этим принцем так же, как и со всеми остальными: поиграет и забудет», – подумала Като.

Через три дня в парадном зале Зимнего дворца был устроен пышный прием на удивление придворным, которые уже стали привыкать к тому, что император недолюбливает роскошь. То есть чрезмерную пышность, изобилие позолоты и дорогих драпировок, ослепительное сияние дамских украшений при любом появлении дамы во дворце и тому подобное. Все это великолепие постепенно заменялось истинно прусской строгостью и даже скудностью, что раздражало многих, а саму Като порой бесило до глубины души.

Не секрет, что скромность Пруссии диктовалась, в ос-

новном, ее бедностью, а наиболее смелые острйки добавляли, что все бриллианты страны можно видеть одновременно на королеве Луизе. Но Россия-то была богата, Като прекрасно помнила блеск и роскошь бабушкиных приемов и втайне тосковала обо всем этом.

«Когда у меня будет свой двор, – думала она порой перед сном, – я все сделаю так, как было при дорогой бабушке... Обо мне тоже будет с восхищением и уважением говорить вся Европа. Я буду строгой, но милосердной к своим подданным...»

Мечты обрывались. Представить себе своих подданных Като пока не могла. За кого могли выдать ее замуж родители? За брата какого-нибудь императора, как сестрицу Александру? Тогда ни о каких подданных и речи быть не может, да еще поговаривают, что бедняжка Александрина была несчастна в браке, вдали от родины, подле лицемерного и фальшивого австрийского двора.

Принц Евгений оказался на удивление приятным молодым человеком, с прекрасными манерами и уже почти военной выправкой. Когда его представляли императору, Павел, не скрывая радостного изумления, во всеуслышанье заявил: – Знаете, а этот мальчишка покори́л меня!

После этого он перевел взгляд на Като, и та ощутила смутную тревогу. Точно таким взглядом Павел смотрел в свое время на ее старших сестер, решая вопрос об их браках. Но там женихи были почти зрелыми мужчинами, а здесь –

практически ребенок. Нет, папенька явно затеял что-то другое, только вот – что?

«Нужно поговорить с самим принцем! – осенило Като. – Уж он-то наверняка знает, зачем его пригласили в Россию. Или, по крайней мере, догадывается...»

Через несколько дней на балу случай представился. После танца с принцем Евгением Като пожаловалась на духоту и жажду и попросила своего кавалера принести ей стакан оранжада. В этот вечер она измучила своих камеристок, выбирая наряд для бала, зато теперь была прелестна в небесно-голубом платье, под цвет ее больших глаз, с ниткой восточной бирюзы на стройной шейке и такой же диадемой.

– Вам нравится у нас, кузен? – учтиво осведомилась она у принца.

– О да! Здесь куда интереснее, чем дома. Да и будущее...

«Вот оно!» – екнуло сердце у Като.

– ...более чем привлекательно. Их императорское величество зачислил меня на военную службу. А ведь Россия всегда с кем-нибудь воюет.

О, Като было отлично известно, как быстро иностранцы делают карьеру в русской армии. Этот мальчик еще год тому назад заочно был определен полковником в лейб-гвардии конный полк. А теперь поговаривали о том, что не сегодня-завтра принцу дадут звание генерал-майора. Российские офицеры о такой карьере даже мечтать не могли.

– Вы выбрали военную карьеру, потому что не можете на-

следовать корону вашего батюшки? – как можно более безразлично осведомилась великая княжна.

Ответ ее ошеломил:

– Меня мало занимают эти побрякушки. Трон, корона, придворные интриги... Жезл фельдмаршала – вот о чем должен мечтать настоящий мужчина. Впрочем, вам, наверное, скучно слушать это, кузина.

– Отчего же? Иногда я жалею, что родилась девочкой. Из меня, наверное, тоже получился бы неплохой генерал, – усмехнулась Като.

– Я не стал бы с вами сражаться, – галантно отозвался кузен. – В этой битве меня бы ожидало поражение.

«Мальчишка помешан на войне, – внутренне усмехнулась Като. – Интересно, играет он в солдатики, как мой братец Константин, или нет? Пари держу, его идеал – либо Александр Македонский, либо Карл Шведский. Господи, какая скука! Почему мужчины такие одинаковые?»

Ее взгляд остановился на еще одной мужской фигуре, затянутой в генеральский мундир. Князь Багратион, по-настоящему великий воин, причем, говорят, женоненавистник. Зато герой!

Петр Иванович Багратион, который был на двадцать с лишним лет старше Като, происходил из древнего княжеского грузинского рода Багратионов и был внучатым племянником царя Вахтанга VI.

Князь Петр Багратион в 1799 году уже в чине гене-

рал-майора выступил в Итальянский поход в составе армии Суворова. Во время всего похода, а главное – перехода через Альпы Суворов всегда поручал Багратиону наиболее ответственные и тяжелые поручения – «генерал по образу и подобию Суворова», – говорили о нем. Это под его командованием был перейден знаменитый Чертов мост и началось стремительное преследование отступающих французов. Говорят, в одном из боев был сильно контужен...

В этот момент Като заметила, что Багратион тоже не сводит с нее глаз. Женоненавистники так не глядят – промелькнуло у нее в голове, и тут генерал решительно двинулся... по направлению к ней. Като не успела оглянуться, как Багратион уже склонился перед ней, приглашая на танец.

В зале точно листья зашелестели, так активно восприняли придворные смелый маневр генерала. Император тожеглянул в их сторону, но, по-видимому, счел ситуацию вполне приемлемой, хотя слегка нахмурился. Наверное, он предпочел бы, чтобы Като танцевала со своим вюртембергским кузеном, но тот, судя по всему, меньше всего был расположен к такому времяпрепровождению.

Это был странный танец. По этикету генерал не мог первым обратиться к особе царской фамилии, а эта самая особа решительно не знала, о чем говорить. О последней военной кампании, в которой участвовал Багратион? Она почти ничего об этом не знала, да и не слишком стремилась узнать. О новостях светской жизни? Вряд ли генерал был в курсе

дворцовых сплетен. О чем же, господи, заговорить?

— Вы бы, наверное, предпочли оказаться в армии, а не среди этих разряженных кукол? — неожиданно для себя самой спросила Като.

— Вы слишком строги к своим подданным, ваше высочество, — усмехнулся генерал. — Уж вас-то я никогда бы не сравнил с куклой. Скорее, со сказочной царевной...

Като по-девчоночьи фыркнула:

— Я на самом деле царевна, и ничего сказочного в этом нет. Интересного, впрочем, тоже.

— Вы могли бы стать царицей какой-нибудь прекрасной страны.

— Например?

— Например, Грузии. Там высоко ценят прекрасных женщин...

И добавил, понизив голос почти до шепота:

— Если бы вы могли стать моей царицей...

Като почувствовала, как сладко кружится у нее голова. Первый раз в жизни с ней обращались, как со взрослой, первый раз мужчина произнес, обращаясь к ней, подобные слова. И какой мужчина!

Танец закончился. И не успел Багратион отвести Като на место, как к нему подскочил один из придворных:

— Его величество призывает вас к себе незамедлительно.

Побледневшая Като заметила, что ее мать жестом подзывает к себе одну из своих фрейлин, графиню Елизавету Пав-

ловну Скавронскую. Короткий разговор – и император провозглашает на весь зал своим резким, хриплым голосом:

– Милостивые государи и государыни, поздравим обрученных. Надеюсь, со свадьбой они не замедлят.

«Прощай, грузинский престол, – отрешенно подумала Като. – Глупо было думать, что отец оставит дерзкую выходку генерала без последствий...»

В этот момент она увидела, что император смотрит на нее не гневно, а с неприкрытой усмешкой и поняла, что для нее этот эпизод никаких последствий иметь не будет. Да, отец явно намерен дать ей в мужа вюртембергского кузена.

– Мари, – сказала она перед сном своей наперснице, – неужели и меня ждет судьба моих старших сестер? Брак без любви и ранняя смерть?

– О, нет, ваше высочество, – шепотом отозвалась Мария, – вам предначертано совсем другое. Но сегодня вы, сами того не желая, решили судьбу многострадальной Грузии.

– Князь Петр сказал, что хотел бы сделать меня своей царицей, – мечтательно сказала Като. – А теперь его женят на пустоголовой кукле...

– У князя Багратиона иной жребий, – загадочно сказала Мария. – Он станет одним из спасителей России...

Фрейлина осеклась и, сколько Като ни теребила ее, так больше ничего и не сказала. Лишь пожелала своей воспитаннице спокойной ночи и задула свечу.

Глава вторая. Мартовские ночи

«-Проект «Манифест» провален, коллега. Императрица Екатерина скончалась именно тогда, когда должна была скончаться, несмотря на все усилия Марии.

– То есть даже наши лекарства не смогли предотвратить апоплексический удар? Или хотя бы ослабить его?

– Увы! Но есть версия, что императрицу отравили, а удар – это только для официального заявления. Между прочим, никакого следствия, даже тайного, по этому делу не проводилось.

– На чем основывается версия?

– На косвенных доказательствах. Мария видела умирающую императрицу и утверждает, что картина для инсульта нетипична, хотя некоторые признаки и были. Кроме того, бесследно исчез один из врачей, который бальзамировал тело императрицы и занимался ее внутренними органами. Незадолго до исчезновения он получил приватную аудиенцию у нового императора.

– Что ж, мелочи действительно настораживающие. У Марии есть хотя бы приблизительные догадки, кто мог это сделать и с помощью какого яда?

– Опять же уввы! В отличие от своего сына, Екатерина была крайне общительна, принимала в своих покоях множество людей, и никогда не боялась быть отравленной. Во вся-

ком случае, еду и напитки перед тем, как подавать ней, никто предварительно не пробовал. Это по вопросу – кто мог отравить. А вот по второму вопросу...

– Есть какие-то догадки?

– Мария предполагает медленно действующий яд растительного происхождения, применение которого исторически зафиксировано несколько раз. При императрице Анне Иоановне по меньшей мере трое высоких персон были точно отравлены таким ядом, а один отравился сам, обнаружив у себя неизлечимую болезнь. Но определить, в чем именно Екатерине дали яд, невозможно.

– Будем возвращать Марию?

– Нет. Пока не время. Смерть императора Павла тоже достаточно загадочна, и если предотвращать ее, то последствия даже просчитать трудно. Но надо хотя бы добиться того, чтобы императором стал Александр.

– Но он и так им станет после смерти отца.

– Мария считает, что нужно принимать дополнительные меры. Характер у наследника очень мягкий, но тоже совершенно непредсказуемый, и на него могут оказать сильное давление. Или...

– Договаривайте, что же вы остановились?

– Или просто физически уничтожить. Мария опасается и этого тоже. Ведь если Екатерину отравил кто-то из ее врагов, он вполне может быть врагом и ее любимому внуку. Идеальным вариантом было бы отправить цесаревича с су-

пругой путешествовать за границу.

— Мария обещала постараться. К счастью, ее питомица — любимая сестра Александра, и контакты с ним налаживать достаточно легко. То есть просто внушить какую-то идею великой княжне Екатерине, а та уже передает ее брату, как свою собственную. Княжна тщеславна, в том, что до хорошего додумался кто-то другой, никогда не признается.

— Это все.

— Пока. Есть еще одно интересное сообщение относительно проектов брака Екатерины. Но пока это — только слухи и догадки. Нужно подождать.

— Подождем, это тоже входит в нашу работу.

— Совершенно верно. И это — тоже.

Павел стал совсем плохо спать по ночам, ему снились кошмары и мучили дурные предчувствия. Проснувшись, он иногда имел такой грустный и потерянный вид, что даже жена не могла ни успокоить его, ни понять. Собственно, успокоить его еще иногда было можно, понять же никто не был в состоянии.

Император совершенно не владел собой, и придворные уже не со страхом, а с ужасом ожидали каждую секунду, что еще придет в голову их богоданному повелителю. А он, точно издеваясь, сам выдумывал поводы для того, чтобы к нему питали отвращение. Вбил себе в голову, что его презира-

ют и стараются быть с ним непочтительными; ко всем цеплялся и наказывал без разбора. Малейшее опоздание, малейшее противоречие заставляло его терять самообладание, и он вскипал. Каждый день только и слышно было о приступах ярости, о мелочных придирках, которых постеснялся бы любой простой человек.

Однажды за обедом императрица наклонилась к своему супругу и тихо что-то ему сказала. Внезапно Павел схватил стоявшую перед ним тарелку супа и выплеснул горячую жидкость прямо в лицо жене. Все оцепенели, императрица в слезах выскочила из-за стола и затворилась в своих покоях.

Павел же как ни в чем ни бывало закончил обед, ничуть не смущаясь гробовым молчанием присутствующих, а затем удалился в свой кабинет. Вечером же по заведенному обычаю отправился в спальню Марии Федоровны, и та наутро появилась перед приближенными, сохраняя абсолютную невозмутимость и явно предав полному забвению жуткий эпизод за обедом.

Печальнее всего было то, что при этом присутствовал уже официальный жених Великой княжны Марии, старший сын владетельного герцогства Саксен-Веймарского принц Карл-Фридрих. Воспитанный в строгих пуританских традициях, принц и без того чувствовал себя при российском дворе «не в своей тарелке», а экстравагантные выходки будущего тестя и вовсе пугали бедного юношу до полусмерти.

Кроме того, придворные считали, что для Великой княж-

ны Марии такой жених слишком «прост умом» и «низок родом». Так что жизнь Карла-Фридриха в ожидании бракосочетания была не слишком приятной, несмотря на всю окружающую его роскошь и явную благосклонность к нему императрицы Марии Федоровны и самой нареченной.

На утренней прогулке он вышагивал рядом с ними с таким видом, словно все еще спал. Невооруженным глазом было заметно, что он все еще переживает случившееся. А может быть, и раздумывает над тем, под каким бы предлогом разорвать помолвку и сбежать от этого сумасшедшего двора как можно дальше.

Мария Федоровна, инстинктивно поняв это, решилась на крайние меры:

– Ваше высочество конечно удивлены вчерашней сценой, – вполголоса начала она.

Придворные деликатно отстали от них на несколько шагов. Только Великая княжна Мария продолжала идти рядом с женихом, храня совершенно невозмутимый вид. Впрочем, она чуть ли не с самого детства славилась своей выдержкой и силой характера, хотя в красоте заметно уступала сестрам.

– По правде говоря, Ваше императорское величество... – растерялся принц.

– Я все объясню, только между нами. У его величества, о чем мало кто знает, нежная и ранимая душа, его может оскорбить даже то, что со стороны кажется совсем невинным. И во вчерашней вспышке гнева моего августейшего су-

пруга виновата я сама.

– Вы, мадам? – забывшись, воскликнул принц.

– Тише, тише. Да, я. Оказывается, вчера утром его императорское величество вынужден был подписать указ о суровом наказании нескольких провинившихся офицеров. Я ничего не знала об этом, а за обедом увидела, что он слегка запачкал супом свой манжет...

– Я все еще не понимаю, мадам, – пролепетал окончательно растерявшийся принц.

– Его императорское величество решил, что я таким образом намекаю: у него руки по локоть в крови. Вот и вспылil. Вечером он все мне объяснил и попросил прощения. Как видите, все очень просто.

Принц склонил голову в знак понимания, но, не будучи особенно смышленным от природы, так и не смог уяснить для себя связь между подписанием указа и выплеснутой в лицо императрице тарелке супа. Это инстинктивно поняла его невеста и перевела разговор на красоты окружающего их парка. Таким образом, печальный инцидент, казалось, можно было бы предать забвению, но...

Но супруга Великого князя Александра уже написала об этом в очередном письме своей матери, да и некоторые другие присутствовавшие на злополучном обеде были не в силах держать прошедшее в тайне. Репутация «экстравагантного безумца», которая постепенно закреплялась за российским монархом, приобрела, таким образом, очередное

подтверждение.

Пока императрица с дочерью и ее женихом прогуливались в парке, Павел приказал позвать к нему великую княжну Екатерину. После бала и фатального для генерала Багратиона танца с великой княжной, император впервые удостоивал любимую дочь личной беседой, так что Като заранее готовилась к самому худшему, не исключая пострижение в монахини. Император уже пригрозил этим одной из невесток, так что ничего необычного в таком предположении не было.

– Вы меня звали, батюшка? – пролепетала Като, переступая порог отцовского кабинета.

– Звал, Катенька, – неожиданно ласково откликнулся Павел. – Садись.

Като испытала чувство невероятного облегчения. «Катенькой» отец звал ее очень редко, когда бывал в добром расположении духа. Значит, никакой кары не последует, но совсем успокаиваться было рано: императорский гнев мог вспыхнуть мгновенно из самой ничтожной искры.

– Теперь, когда две твои старшие сестры замужем, а третья просватана, пришло время позаботиться и о твоём будущем, – все так же ласково продолжил Павел. – И мне кажется, что оно должно быть куда более значительным, чем участь жены человека, пусть и царских кровей...

От этого намека Като пунцово вспыхнула:

– Виновата, батюшка...

– Ты пока еще ни в чем не виновата, а шалопай сей по-

лучил по заслугам. Хотя и носит генеральские эполеты, ума видно Бог не дал. Ну, да не о нем речь. Я хочу видеть тебя супругой твоего кузена, принца Евгения...

«И прозябать остаток жизни в его жалком княжестве, где из окон замка видна столица соседнего «государства», – хотела сказать Като, но во время прикусила язычок. Перечить Павлу даже она не осмеливалась, хоть и числилась в любимицах.

– ... и впоследствии русской императрицей, – продолжил Павел. – Я издам специальный манифест, в котором назначу принца своим наследником, и, надеюсь, успею подготовить вас обоих к управлению Великой Россией. Ибо вы достойны этого более других.

Като потеряла дар речи. Когда в свое время формально бездетная и незамужняя императрица Елизавета Петровна назначила наследником своего племянника, сына покойной старшей сестры, это было по крайней мере логично, хотя никого особо не обрадовало. Но при четырех собственных сыновьях...

– Но Ваше императорское величество... Вы же сами изволили издать указ, в котором отныне престолонаследие происходит в России исключительно по мужской линии, начиная с Александра.

– Я написал этот указ, могу написать и другой. Я – самодержец. Твой кузен Евгений примет православие под именем Павла, я уже решил. А твоему братцу надо быть мона-

хом, а не наследником великой державы. Что ж, пострижется, будет настоятелем в какой-нибудь обители, со временем, глядишь, патриархом станет. Константин вообще сумасшедший, ему не то что трон – поместье доверить опасно.

– А Николай? Михаил?

– Они еще младенцы, – отмахнулся Павел, – неизвестно, что из них вырастет, да и вырастет ли вообще. Не думаю, что твоя достойная матушка способна воспитать настоящих царских сыновей. Единственное, что она может – это стать регентшей при одном из них. Знаю, знаю, именно об этом она и мечтает: овдоветь и царствовать.

– Батюшка...

– Молчи! Они все желают моей смерти! Кругом лжецы и мерзавцы, никому доверять нельзя. Даже твою бабушку, мою мать, отравили...

Павел осекся на полуслове, увидев в глазах дочери неприкрытый ужас.

– Папенька, – пролепетала она, – вы полагаете...

– Я полагаю, что ее убили интриги и козни окружавших ее мерзавцев, – нашелся Павел. – Твой же кузен еще не испорчен нравами русского двора, а ты... ты моя дочь. И я еще успею сделать из тебя достойную супругу монарха. Только помни: это пока наша с тобой тайна. Потому что есть еще один план, тоже секретный. Ты можешь стать французской королевой, а за Евгения я выдам Анну.

– Анна еще дитя... А во Франции нет королей.

– Если есть государство, у него должен быть повелитель. И он у него будет, вот увидишь. Этот корсиканец... он очень далеко пойдет.

– Простолюдин?

– Твоей знатности хватит на двоих.

– Но он же католик! И французы не потерпят православной...

– Один из их королей сказал: Париж стоит обедни. И принял католичество. В общем, я еще ничего не решил, мне нужно только знать: на чьей ты стороне?

– На вашей, батюшка, – тихо ответила Като.

Голова у нее кружилась и пылала, а руки были совершенно ледяными, когда она, точно сомнамбула, возвращалась в свои комнаты. Отец только что предложил ей на выбор две короны, едва ли не самые блистательные в мире. Ну, французский проект – это, конечно, почти сказка, а вот стать российской императрицей... Пусть ее кузен занимается армией, она займется всем остальным, как ее бабушка. А там... Екатерина Третья? Почему бы и нет? На войне случается – убивают, и не только рядовых солдат...

Като была еще слишком молода, слишком наивна и слишком взволнована, чтобы трезво оценивать ситуацию. Она еще не поняла, как сильно не любил Павел своего старшего сына, которому августейшая бабка желала оставить трон – в обход его, законного наследника, единственного сына. Не знала, как люто ненавидел Павел своих невесток –

только потому, что их выбрала в жены своим внукам все та же ненавистная Екатерина. Не понимала, что Павел балансировал на грани безумия, подозревая в злодейских умыслах даже свою верную и кроткую супругу, и как стремился побыстрее сбыть с рук старших дочерей, да так, чтобы их супруги не стали ему соперниками.

А вот Александр знал не только это, о чем и писал тайно своему бывшему воспитателю Лагарпу через год после восшествия Павла на трон:

«Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им...

Военные почти все свое время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено... Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно перечислить все те безрассудства, которые совершались здесь...

Даже будучи только наследником престола, он заботился прежде всего о том, чтобы оставить в скромной вотчине – злосчастной Гатчине – след своих философских, социальных и военных убеждений. Он воздвиг рядом с православной церковью, расположенной на этой территории, католический костел и протестантский храм. Таким образом,

еще два христианских вероучения благополучно сосуществуют с официальной религией России, оскорбляя чувство истинно верующих и вызывая гнев православных священников.

Мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце...»

Каждый день Павел присутствовал на параде конной гвардии. И если какой-нибудь офицер совершал ошибку, то царь хлестал его своей тростью, подвергал разжалованию, ссылал в Сибирь или тут же и навсегда заставлял надеть мундир простого солдата!.. За промашку наказывали кнутом, тюрьмой и даже вырывали ноздри, отрезали язык или уши, подвергали другим пыткам.

Наконец-то Павел держал в руках столь желанный скипетр и располагал абсолютной, безграничной властью, позволявшей ему свести счеты со всеми, кто его презирал или избегал! Наконец-то пробил час мести!.. Он сослал своих противников и последнего фаворита Екатерины II; он призвал в столицу людей своего покойного отца. Со всех концов Империи, как в день Воскресения, объявились умершие 35 лет назад гражданской смертью старцы, чуждые нравам двора, все манеры которых заключались в наглой походке и взгляде...

Павел изъял из обращения знаменитый «Наказ» покойной царицы, составляя который она вдохновлялась трудами всемирно известных философов. Все, что его мать создавала в течение 34 лет своего царствования, было предано забвению, разрушено, растоптано, просто потому, что было связано с именем ненавистой покойницы. Один быстрее другого последовали более 500 противоречивых и в большинстве своем невыполнимых законов нового царя. Он искренне считал себя наместником Бога на земле и вел себя соответственно, не видя, как под его управлением Россия стремительно становилась адом.

Правда, крестьяне императора любили: он уменьшил барщину и оброк и существенно урезал права дворян на крепостных. Но делал это вовсе не из стремления облегчить долю крестьян: созданные примерно в то же время «аракчеевские военные поселения» ничего хорошего из себя не представляли. Просто Павел люто ненавидел дворянство, вплоть до того, что снова объявил их подлежащим телесным наказаниям, отмененных в свое время Екатериной.

Вернув из ссылки одного Радищева (жертву Екатерины), он отправил в Сибирь сотни ни в чем неповинных людей, отправил в отставку несколько сотен офицеров за ничтожные проступки или просто из каприза. Не избежал опалы и прославленный Суворов, который позволил себе ироничное высказывание по поводу вводимой Павлом новой формы, треуголок, париков, косичек на прусский манер, которые солда-

ты обязаны были носить.

«Пудра не порох, букля не пушка, коса не тесак, а я не немец, а природный русак», – сострил Суворов и был немедленно сослан в самую дальнюю свою деревню.

Да что армия! Император с воодушевлением подверг самой настоящей муштре и сугубо гражданское население: заставил коротко стричь волосы, запретил одежду «на французский манер», требовал, чтобы при встрече с императором на улице и мужчины, и женщины выходили из экипажей и приветствовали суверена глубоким поклоном, стоя хоть в грязи, хоть в луже, хоть в снегу. Вольнодумцев или рассеянных хватала полиция и сурово наказывала. Вскоре улицы столицы стали пустеть в час царской прогулки.

А вот солдатам стали чаще раздавать хлеб, мясо, водку, деньги. Наказания, порка, аресты и даже ссылки били главным образом по офицерам; для этого достаточно было тусклой пуговицы, не в лад поднятой при маршировке ноги! Наказания сыпались градом. Тех, кто осмеливался защищаться, ждала отставка, изгнание, ссылка в Сибирь...

Число сосланных увеличивалось с пугающей быстротой, везде – при дворе, в городах, в армии, в самых отдаленных уголках Империи – царил страх. Никто не знал, что его ждет завтра.

Но это все было сравнимо с чудачествами самодура-барина в своем поместье. А вот на внешней политике перепады настроения императора и постоянно менявшиеся планы

приводили в ужас мировую дипломатию. Иностранные книги и платье были им запрещены, а граница закрыта.

Предлагая другим государям вступить в «дружеский союз» с Россией, он предлагал тем, кто уклонялся или отказывался от этой чести, решить спор в рыцарском поединке. Он послал в Эгейское море черноморскую эскадру адмирала Ушакова, которая заняла Ионические острова, высадила десант в Южной Италии и захватила в 1799 г. занятый французами Рим. Суворов, жаждавший помериться силами с Бонапартом, был возвращен из ссылки. Во главе русских и австрийских войск он занял Турин и Милан, разбил французских генералов Моро, Жубера и Макдональда. Затем он перешел через Альпы у Сен-Готарда, однако поражение армий Корсакова и принца де Конде заставило его отступить и стать на зимние квартиры в Баварии.

Тем временем между Россией и Австрией возникли споры. К тому же англичане отказались передать России остров Мальту, что вызвало ярость Павла I, принявшего к тому времени титул великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Его дикая ненависть к Бонапарту превратилась в страстное обожание; полное презрение уступило место горячему восхищению. Император разорвал дипломатические отношения с Лондоном, а чтобы окончательно унижить высокомерную Британию, задумал осуществить совместную с Бонапартом кампанию по завоеванию Индии. И без предвари-

тельной разведки, без плана кампании, без карт, даже не организовав снабжение, медицинскую помощь и транспорт, царь отправил двадцатитысячный корпус кавалерии в Туркестан, с приказом следовать далее на юг.

Разрыв с Англией, безрассудный поход донских казаков, экстравагантное поведение царя в самом Санкт-Петербурге вызвали всеобщее недовольство. Его считали ненормальным, свихнувшимся, ведущим Россию в неведомую пропасть. Но ужаснее всего было то, о чем знали немногие приближенные: отношение Павла к членам своей собственной семьи.

После восшествия на престол царь назначил Александра военным губернатором Санкт-Петербурга, сенатором, генеральным инспектором кавалерии и почетным полковником знаменитого Семеновского полка. Почет? Возможно, но почет весьма странный: Павел опасался сына, его недоверие к нему возрастало с каждым днем. Он иногда передавал Александру через дежурных офицеров, что тот «исключительная свинья» или «скотина».

Вот тогда и возник план посадить на престол иностранного принца, а в супруги ему дать русскую Великую княжну Екатерину, единственную, кажется, из всей семьи, которую Павел не подозревал в злоумышлениях против его персоны.

Като вернулась к себе сама не своя. Верная Мария тут же заподозрила неладное и, приготовив горячий успокоительный напиток, поспешила уложить свою воспитанницу от-

дохнуть. Но та лишь отмахнулась и взволнованно зашагала по комнате, нервно ломая руки.

– Что случилось, Ваше высочество, – осторожно осведомилась фрейлина. – Государь гневается на вас за тот бал?

– Уж лучше бы гневался! – воскликнула Като. – Нет, он хочет выдать меня замуж. За этого мальчишку, который, который...

– Какого мальчишку, Ваше высочество?

– Принца Вюртембергского! – выпалила Като.

Изумление, написанное на лице Марии, было красноречивее всяких слов.

– Да-да, за этого младенца, который бредит только сражениями! И чтобы он унаследовал трон после папеньки...

– Это невозможно, Ваше высочество, – возразила Мария. – Законный наследник – ваш брат Александр, к тому же есть еще Великий князь Константин и Великие князья Николай и Михаил. Они, конечно, еще малы, но государь находится в самом расцвете сил. Лет двадцать еще...

Последнюю фразу Мария произнесла как-то неуверенно, и чуткое ухо Като это мгновенно уловило.

– Вы сами в это не верите, моя милая, – жестко отозвалась она. – Двадцать лет подобного безумия... Вы молчите? Конечно, я понимаю, я вас отлично понимаю. Но император совсем сошел с ума. Он хочет заточить моих старших братьев в крепость или постричь в монахи. Та же участь ждет их жен и маменьку...

– Княжна...

– Он сам мне это сказал! Более того, он проговорился о том, что императрицу Екатерину отравили!

– Отравили? – странным голосом спросила Мария.

– Вот именно. Он безумен, воистину безумен. Для меня у него сегодня было припасено целых два сюрприза: либо я выхожу за принца Евгения, либо... Либо становлюсь супругой Наполеона Буонапарта, этого жуткого корсиканца, к которому мой отец проникся вдруг такой пылкой любовью. Тогда супругой принца Вюртембергского и цесаревной-наследницей станет Анна.

– Вы не можете стать женой Наполеона, – хладнокровно заметила Мария. – Во-первых, он уже женат, а во-вторых, католик. Католик не может развестись, а вы не можете изменить веру. Успокойтесь, ваше высочество, завтра ваш батюшка забудет свои фантазии.

– Вот этого я как раз и не хочу! – с чисто женской непоследовательностью воскликнула Като. – Тогда мне придется стать супругой какого-нибудь другого немецкого кузена и я никогда, никогда, никогда не стану монархиней, как моя дорогая бабушка! Если же батюшка выдаст меня за кузена Евгения, то сделает его своим наследником, а я впоследствии надену корону русской императрицы.

– На свете много корон, – осторожно заметила Мария, – и я уверяю вас: одна из них обязательно увенчает вашу прелестную головку. Но хотите ли вы отнять корону у брата?

– Конечно нет! Саша рожден для трона, он будет прекрасным монархом, но... Но батюшка, кажется, задался целью истребить всех, кто его по-настоящему любит. Мне страшно...

– Так не будьте орудием в этой страшной игре! Поговорите с его императорским высочеством, с цесаревичем. Только сделайте это тайно.

– Каким образом? У императора везде глаза и уши...

– Я попробую вам помочь, ваше высочество, – тихо сказала Мария. – Риск велик, но есть шанс спасти вашу семью от несправедливых гонений. Если угодно, я передам вашему брату и его супруге приглашение на верховую прогулку. Сегодня же.

– А если батюшка...

– Мы постараемся сделать так, чтобы это Александр пригласил вас кататься.

Като кинулась на шею своей фрейлине:

– Мари, вы просто добрый гений! Вы поедете с нами?

– Увы, ваше высочество, вы же знаете: я скверно езжу верхом. Так я иду к великому князю?

– Да, да, идите! До обеда нужно все успеть.

Через полчаса фрейлина вернулась с запиской цесаревича, в которой тот приглашал сестру на верховую прогулку...

Александр не знал, о чем собирается беседовать с ним любимая сестра, еще почти девочка, но привык ожидать скверных новостей от каждого разговора. С самого детства он

оказался в ужасной атмосфере сложных родственных отношений, которая сложилась между императрицей-бабушкой Екатериной II и опальными родителями, жившими в солдатско-прусской обстановке Гатчинского двора. Нянькой Александра была Прасковья Гесслер, англичанка. О воспитании Александра можно сказать одно: всему он учился сам, ибо приставленные к нему учителя оказались, мягко говоря, несостоятельными.

Ранний брак тоже не способствовал сохранению душевного равновесия Александра. Когда прошел угар первой близости с юной и очаровательной супругой, обнаружилось, что их практически ничего не связывает. Начисто лишенная каких бы то ни было амбиций, погруженная в свой внутренний мир, да еще холодная и меланхоличная о природы, Елизавета не могла стать ни другом, ни опорой, ни тем более советником своего юного мужа. И уж тем более не разделяла многие его увлечения.

Из Гатчины Александр вынес увлечение фронтовыми учениями, военной выправкой, муштрой, военными парадами. Это было его единственной страстью в жизни, которому он никогда не изменял и которое он передал своему преемнику. Со времени воцарения Павла вахт-парад приобрел значение важного государственного дела и стал на многие годы непременным ежедневным любимым занятием русских императоров.

Когда незадолго перед смертью, Екатерина II объяснила

Александр всю необходимость лишить престола Павла, его отца, Александр пространным письмом выразил свою глубокую признательность Екатерине II за дарованные ему милости, то есть, по сути дела, дал свое согласие на устранение Павла от престола. К несчастью, это письмо попало в руки Павла...

Сравнительно недолгая, но бурная жизнь среди близких родных – бабушки Екатерины II и отца Павла I – научила Александра многому. Он познал коварство, подлость, подкуп, измену, лесть – то, что так пагубно сказывается в формирующейся личности. Александр стал цесаревичем на 19-м году жизни. Спустя немного времени цесаревич Александр очутился при Павле в роли цесаревича Павла при Екатерине.

– Что-нибудь случилось, Като? – спросил Александр сестру, когда они немного опередили свою свиту и мерной рысью ехали по длинной аллее. – У вашей фрейлины был такой загадочный вид.

– Да. Батюшка хочет, чтобы я стала супругой кузена Евгения.

– Вам так претит мысль об этом браке? Увы, мы с вами принадлежим к царской семье и интересы государства...

– Ах, Саша, дело совсем не в этом! Батюшка желает передать трон Евгению Вюртембергскому. А вас и Костю...

Александр заметно побледнел и некоторое время молчал. Потом негромко сказал:

– Что ж, я предчувствовал нечто подобное, но не думал,

что при этом еще попытаются рассорить нас с вами.

– Но я вовсе не желаю отнимать у вас корону!

Като немного лукавила. Конечно, если бы Александр сказал, что не чувствует в себе призвания к жизни монарха и готов сам уйти в монастырь... Костя не в счет, он не в своем уме, и государем ему не быть никогда, это всем во дворце известно. А младшие братья еще когда подрастут...

Да и император Павел еще совсем не стар, он вполне может прожить еще лет двадцать. Зато она, Като, еще очень молода, и даже через двадцать лет ей будет всего лишь тридцать четыре года. Ровно столько было ее царственной бабке, когда она прочно взяла бразды правления в свои руки, крайне удачно овдовев незадолго до этого. В таком варианте Като устраивало все.

Но насильственное заточение братьев в крепость или пострижение в монахи, сломанные жизни их супруг, ее существование с нелюбимым мужем под неусыпным наблюдением батюшки... Нет, это совсем другой поворот событий! К тому же Павел в один прекрасный момент передумает и назначит наследником кого-нибудь еще, а ее тоже запрет в какой-нибудь отдаленный монастырь. Слишком рискованно, слишком.

– Батюшка совершенно охладел ко мне, – услышала она голос брата. – Более того, он меня ненавидит. Всех преданных мне людей удалили, за мной беспрестанно следят. И еще, Като...

– Что, Саша?

– Однажды в моей комнате он нашел на столе трагедию Вольтера «Брут».

– Ну и что из этого? Правда, батюшка ненавидит Вольтера...

– Дело не в нем. Его величество изволили взять в своих апартаментах книгу о Петре Великом, открыл ее на странице с описанием суда над Алексеем, пыток, перенесенных царевичем-наследником, и его смерти, позвал Кутайсова и приказал дать прочитать этот рассказ мне.

– Боже милосердный! – только и могла вымолвить Като. – Имеющий уши да услышит!..

– Вот именно. Я хотел угодить батюшке, стал носить прусский мундир, не пропускал ни одного парада. И вот недавно на таком параде адъютант императора огромными шагами подбежал ко мне и прокричал: «Его Величество приказало мне сказать, что Оно никогда не видело такого дурака, как Ваше Высочество!..» А вокруг меня стояли все старшие офицеры.

– Какой ужас!

– Это еще не все. Несколько дней назад я имел несчастье попросить у батюшки позволения отправиться путешествовать. Я думал, это успокоит его подозрения, но он пришел в такое бешенство... Он кричал на весь дворец: «Я предам вас самому жестокому суду! Мир будет поражен, увидев, как покатыся головы когда-то так дорогих мне людей!...»

– Саша, вам надо бежать. Мне страшно.

– Не могу. Тогда он начнет терзать маменьку, он уже грозился постричь ее в монастырь и еще кое-чем похуже.

– Что же делать? Терпеть?

– Бог милосерд, – печально обронил Александр. – Будем молиться и надеяться. Благодарю тебя, Като, что была откровенна со мной. Может быть, это поможет...

– Каким образом?

– Не знаю. Я ничего не знаю. Я жалею о том, что родился наследником престола: мне эта ноша не по плечам. И мне страшно, Като... За себя, за маменьку, за всех нас...

Не раз, и не два вспоминала потом Като эту странную прогулку и благодарность брата за ее откровенность. Иногда ей казалось, что именно она подтолкнула события в том направлении, какое они приняли. И тогда успокоить ее могла только верная Мари, которая говорила, что судьбу пережить нельзя, и что, подчинившись голосу сердца, Като сделала единственный правильный выбор.

А в столице царил страх. В 9 часов вечера бил сигнал тушить огонь и главные улицы перекрывались рогатками. Властитель страны никому не доверял и боялся ночи. Он с нетерпением ждал, когда будет достроен Михайловский замок – настоящая крепость, в которой, как он полагал, ему уже не будет грозить никакая опасность. Еще не просохла штукатурка, как двор перебрался в новую резиденцию, где дымили все печи и камин, по комнатам гуляли сквозняки,

а ветер так завывал на чердаках и в переходах, что становилось жутко даже караульным офицерам.

Доволен и покоен был только сам император, который для пущей безопасности повелел запереть двери на половину императрицы, да еще задвинуть их засовом. Теперь он мог не бояться и удара в спину: от жены, которую ненавидел теперь так же искренне, как раньше любил. Несчастливая императрица тихонько жаловалась особо приближенным, что отныне может только плакать и молиться за своего все еще любимого тирана.

И тогда группа самых отчаянных и смелых придворных задумала свергнуть Павла I и возвести на трон Александра. Павла предполагалось отправить в надежное место, не причинив ему никакого зла. Он должен был только официально отречься от престола в пользу старшего сына.

Душой заговора стал умный, деятельный и ловкий граф Петр Алексеевич Пален, который считал необходимым осторожно открыть Александру планы свержения, иначе заговорщики могли потерпеть неудачу в самом начале своих действий и немедленно оказаться на плахе — не исключено, вместе с самим Александром.

К сожалению, правоту графа подтверждали все более безумные и экстравагантные выходки императора. Он уже посягнул даже на религию, начав создавать проект объединения всех христианских церквей, и письменно пообещал папе Римскому убежище и поддержку, если французская ар-

мия займет Ватикан. Правда, на следующий день сам император опомнился, испугавшись того, что будет предан анафеме всеми православными священниками России.

Потрясенный князь-наследник сначала не давал своего согласия, но Пален настаивал, утверждая, что положение с каждым днем ухудшается. Он даже показал приказы об аресте Александра и его брата Константина, подписанные самим царем. Что же касается жен Александра и Константина, а также самой императрицы, уверял Пален, то их заточат в монастырь. А потом...

После многих сомнений и тревожных раздумий наследник якобы сказал Палену, что он не против принять корону, но при условии, что ни один волос не упадет с головы его отца. Пален поклялся в этом. И Александр на время успокоился.

В самом конце февраля 1891 года на Масленицу в Михайловском замке давали пышный бал-маскарад. Все обязаны были явиться в маскарадных костюмах и с закрытыми лицами, дабы не нарушать веселой мистерии, но... Но все прекрасно понимали, что пожелай император – и все маски будут немедленно сорваны. Так что веселились с оглядкой, не желая потом оказаться в ссылке или – того страшнее – в крепости.

Като нарядилась было французской маркизой прошлого века, но фрейлина Алединская мягко напомнила ей, что император вряд ли одобрит такой костюм. Тогда Като наде-

ла мужскую военную форму, которая сделала ее абсолютно неузнаваемой: густо напудренный парик с буклями и непрерывной косичкой надежно скрывал пышные светлые локоны Великой княжны, а мундир и лосины выгодно подчеркивали стройность еще полудевичьей фигурки. Черная полумаска – и офицер получился хоть куда. А самое главное, такой костюм мог вообще не привлечь внимания императора, чего, собственно, Като и добивалась.

Она от души веселилась на балу, изображая из себя молодого повесу-гусара, и приглашала на танец тех дам, которые оказывались обойденные вниманием остальных кавалеров. Не танцевали только император и императрица: Мария Федоровна не надела маску, ограничившись пышным костюмом в средневековом стиле, а император появился на балу в полном одеянии Гроссмейстера Мальтийского Ордена, чем невольно подчеркнул двусмысленность получения им этого титула.

Наконец, Като решила пригласить на танец одну из своих невесток: супругу Великого князя Константина, которую узнала даже под маской и в наряде турчанки. Костюм необыкновенно шел великой Княгине Анне – миниатюрной брюнетке с живыми, искрящимися глазами. Но в разгар танца Като углядела какое-то оживление в одной из комнат рядом с залом.

– Что там происходит, прекрасная одалиска? – спросила она у своей партнерши. – Может быть, полюбопытствуем?

Прекрасно зная, что княгиня Анна крайне любопытна и непоседлива, она была уверена, что отказа не получит. И парочка пробилась туда, где маски столпились вокруг кого-то, сидящего в кресле. Като приподнялась на цыпочки и увидела... цыганку. Не настоящую, конечно, а ряженую, но все равно выглядевшую необыкновенно убедительно.

— Она неподражаема, — шептались вокруг. — Только что предсказала княгине Нарышкиной, что ее ждет любовь венценосной особы. Княгиня сама не своя от такого предсказания.

Признанная первая красавица двора княгиня Нарышкина действительно сидела в кресле неподалеку и обмахивала веером разгоряченное лицо. Она могла бы и не надевать маску: ее выдавали неизменные бриллиантовые серьги невероятной стоимости и красоты, а также дивной лепки рот, который кто-то из придворных рифмоплетов сравнил с устами серафима.

— А княгине Голицыной она сказала, что та умрет ночью, во сне. Эта гордячка даже побелела от страха, и поспешила удалиться с бала....

И тут Като замерла: перед цыганкой уселся рыцарь в черном плаще с опущенным забралом. Пожалуй, она одна могла узнать в нем цесаревича Александра по некоторым характерным жестам и привычно стройной осанке.

— А что ждет меня, прекрасная фараонита? — негромко спросил он.

– Вы проживете долгую жизнь, рыцарь, – так же негромко ответила ему гадалка. – И первая ее часть будет полна суетности, блеска и побед, а вторая пройдет в благости и кротости, где вы и обретете настоящее счастье.

– Ты хочешь сказать... – начал было рыцарь, но тут его прервал один из адъютантов императора:

– Их Императорское Величество желают видеть цыганку немедленно, – сообщил он.

Толпа придворных отшатнулась от предсказательницы, как если бы ее звали не к императору, а напрямиком на эшафот. Только любопытная Като заскользила следом за адъютантом и цыганкой, стараясь быть не слишком заметной.

Цыганка низко присела перед императором и императрицей. Такой утонченный реверанс могла сделать только дама, досконально знакомая со всеми правилами этикета.

– Что ж, милочка, приоткройте будущее перед вашей императрицей, – почти ласково сказала Мария Федоровна.

– Вас ждут тяжелые испытания, Ваше императорское величество, но они будут недолгими, а потом вы будете жить мирно и счастливо среди любимых вами людей.

Павел саркастически хмыкнул:

– Видите, моя дорогая, испытания все-таки будут. А я... что вы скажете мне?

– Вы слишком высоко стоите над обычными смертными, Ваше императорское величество, чтобы я могла осмелиться заглянуть в вашу жизнь.

– Не увиливайте, – нахмурился Павел.

– Могу сказать одно: не верьте тем, кто говорит вам правду, не пытайтесь вернуть прошлое. И приготовьтесь к тому, что одна из ваших дочерей покинет мир раньше вас.

Павел не успел ничего сказать, только побледнел. И в этот момент к гадалке подскочил молоденький офицер:

– А мне что вы скажете?

– Я вижу на вас корону.

– Ну все! – загремел обретший голос Павел. – Сударь, маску долой! Я хочу видеть того, кого якобы ждет корона.

Офицер нехотя снял маску и все ахнули, узнав Великую княжну Екатерину. Павел залился своим ни на что не похожим лающим хохотом и никто не заметил, как исчезла, точно растворилась в блестящей толпе придворных загадочная цыганка.

.....

События между тем разворачивались своим чередом. Через неделю после маскарада, наделавшего столько шума из-за таинственной гадалки, в казарме Преображенского полка собрались граф Пален, генерал Беннигсен, князя Платон и Николай Зубовы, Петр Волконский, Александр Голицын, и другие заговорщики.

Князь Платон Зубов обрисовал положение, напомнив о разрыве отношений с Англией, беззаконии и диких выходках императора, и прочих малоприятных событиях в империи.

– Хорошо еще, что этот болван Кутайсов и впрямь подумал, что я влюблен в его дочь и намерен с ним породниться. Иначе мне никогда бы не выбраться из ссылки.

– Да, император словно заодно с нами, – подтвердил генерал Беннигсен. – Он возвращает из ссылки тех, кто его ненавидит, и отправляет в ссылку действительно преданных ему людей. Воистину, логика безумца непредсказуема.

– Надо срочно заставить царя подписать акт об отречении, – выпалил Зубов. – Иначе благоприятный момент пройдет, и тогда...

Пален и все остальные поддержали Зубова, однако лившееся рекой шампанское было самым красноречивым из доводов, так что серьезное вначале собрание заговорщиков превратилось в традиционную русскую пьянку, и скоро всем ее участникам уже море было по колено. А еще через некоторое время они были вполне готовы совершать любые подвиги «ради спасения матушки-России».

Около полуночи заговорщики отправились к Михайловскому замку двумя группами: первой командовал Пален, второй Беннигсен и Платон Зубов. Правда, граф Пален оставался много трезвее других и сознательно тянул время, чтобы не оказаться в первых рядах. И на это у него были веские причины: несколько дней тому назад во время очередной аудиенции император вдруг огорошил его вопросом:

– Вы знаете, что существует заговор против меня? Меня хотят низвергнуть? Знаете?

Лицо царя перекошилось от гнева.

Пален почувствовал себя разоблаченным. И все же почти в паническом состоянии он нашел в себе силы спокойно ответить:

– Да, Ваше Величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

– Как, вы участвуете в заговоре? Да вы в своем уме? Что это вы несете? – совсем зашелся от гнева император.

– Сушью правду, Ваше Величество, – ответил невозмутимый Пален. – Я участвую в заговоре, чтобы знать все его пружины и всех участников. Но вам нечего бояться: я держу в руках все нити, и скоро все станет вам известно.

И Пален сопроводил свое обещание смешком, выразившим искреннюю доверительность соучастника, чем окончательно успокоил своего собеседника. Император ему поверил. Но теперь необходима двойная осторожность, чтобы в случае чего снова выйти сухим из воды.

Но люди из другой группы заговорщиков подходят к дворцу, поднимаются по узкой служебной лестнице, ведущей к покоям царя. Проникнув в прихожую, они сталкиваются с двумя лакеями, ранят того, который оказал сопротивление, и врываются в комнату государя, которая в эту ночь почему-то оказалась не запертой, как обычно. Да и трусливые лакеи вместо обычных дежурных офицеров, слепо преданных императору... Не знак ли это судьбы?

.....

В эту ночь Павел долго не мог уснуть. Непогода за стенами замка, мокрый снег, залеплявший окна и вой ветра в каминных трубах – все это прогоняло сон. К тому же Павла одолели воспоминания, что бывало с ним крайне редко: он буквально погрузился в реку своей жизни, которая отнюдь не была гладкой и спокойной.

Сын неизвестного отца и знаменитой матери, почти полвека жаждавший взойти на престол, он за четыре с небольшим года своего царствования сумел вызвать у подданных такую ненависть, какую не вызывали даже античные тираны. Император Павел I, больше чем кто-либо из его предшественников и последователей стремившийся вызывать к себе любовь близких и обожание подданных, достиг прямо противоположного результата – и все из-за некоторых странностей в психике.

Почему неизвестного отца? Да потому, что первые шесть лет брака Великая княгиня Екатерина, супруга наследника престола, оставалась девственницей. Петр Федорович, как деликатно отмечали придворные медики, «не обрел брачных кондиций».

Года шли, судьба российского престола находилась в полной зависимости от их высочеств – великого князя и великой княгини – а долгожданного наследника все не появлялось. На племянника-то, императрице Елизавете, по большому счету, было наплевать, но нужен был продолжатель рода, а невестка, сохранившая в замужестве невинность до два-

дцати с лишним лет, становилась просто бельмом на глазу. И, Господи боже, что скажут в Европах?

Дабы пресечь зловредные слухи, Елизавета повелела Екатерине забеременеть немедленно – хоть от мужа, хоть от придворного истопника, мелочи ее не заботили. Но прошло еще долгих четыре года, пока великая княгиня не доложила своей августейшей тетке-свекрови об «интересном положении».

Отцом будущего великого князя называли Сергея Салтыкова, но некоторые подозревали другого придворного – Льва Нарышкина, а откровенные недоброжелатели вообще советовали поискать виновника торжества в гвардейских казармах. Но отцом Павла вполне мог быть и его формальный отец. Ведь Павел Петрович скорее походил на Петра Федоровича, никогда не отличавшегося особой красотой, чем на писанного красавца Салтыкова или на обаятельнейшего Левушку Нарышкина. От матери в нем не было ничего, кроме... незаурядного ума. Но не было ее немецкой педантичности и терпения.

Личность Павла вообще загадочна и неоднозначна. Некоторые считают его патентованным сумасшедшим, с колыбели, якобы, проявлявшим все признаки агрессивного слабоумия. Другие – непризнанным гением, достойным внуком своего великого деда – Петра Первого. Впрочем, нормальность Петра Алексеевича не является аксиомой, а его жестокость временами граничила с патологией.

Да, официальный отец Павла, император Петр Третий

действительно был дурно воспитанным и малообразованным идиотом. Но дело в том, что Екатерина Великая, мать Павла Петровича, в запальчивости кинула как-то сыну:

– Мне стоит только открыть рот и ваши права на престол окажутся фикцией.

Но – не открыла. Промолчала, унесла тайну с собой в могилу. Или не было никакой тайны, лишь возможность шантажировать наследника его якобы нецарским происхождением? Кто знает?

Впрочем, сумасшедший на троне – не такая уж редкость, как это может показаться. Монархи те же люди и ничто человеческое им, как говорится, не чуждо. Просто слегка (или не слегка) сдвинутый по фазе обыватель доставляет хлопоты своим близким, не более того. Коронованный безумец – проклятие целого народа, а иногда и резкий поворот в истории страны. Что позволено Юпитеру...

Павел родился 20 сентября 1754 года – через десять лет после свадьбы его родителей. Младенца немедленно унесли на половину императрицы Елизаветы и родная мать не видела его целых сорок дней. Потом ей сына все-таки показали – издали! – и снова спрятали в дальних комнатах. Екатерина нашла ребенка «очень хорошеньким» – и фактически не виделась с ним целых восемь лет: до смерти императрицы Елизаветы.

Императрица же – формально незамужняя и бездетная – находилась наверху блаженства. Рождение законного наслед-

ника романовского престола праздновалось почти год, причем не только при дворе, но и в домах богатых вельмож. Елизавета Петровна, которой только-только исполнилось сорок пять лет, воспитывала внука по-старинке: окружила его толпой нянюшек и мамок, кутала до того, что ребенок обливался потом и не сообразовывалась ни с каким расписанием.

Спать ребенка укладывали то в восемь часов вечера, то далеко полночь, кормили когда Бог на душу положит, но обязательно обильно. Ни к кому так хорошо не подходила поговорка «у семи нянек дитя без глазу», как к маленькому великому князю: в одно прекрасное утро мамки и няньки с ужасом обнаружили пустую колыбель. Оказалось, что ночью Павел упал на пол и преспокойно проспал под колыбелью, прямо на полу.

Окруженный с первого дня рождения мамками-няньками, Великий князь так до конца своих дней и не избавился от внушенных ими предрассудков. Они вечно рассказывали ему про ведьм и домовых, приучили бояться всего и всех: грозы, громких звуков, бабушки-императрицы, собственных родителей.

К шестилетнему возрасту Павел был типичным «барчуком», отданным на попечение темной деревенской дворни. И лишь к этому времени Елизавета Петровна озаботилась приискать единственному внуку воспитателя. Им стал граф Никита Иванович Панин – человек незаурядного ума, но по складу характера – одновременно желчного и флегма-

тичного — меньше всего подходящим на роль воспитателя Великого князя, как, впрочем, и любого ребенка.

Малоподвижный, сухой в обращении, Панин пренебрегал прогулками с ребенком и вообще общался с ним чрезвычайно неохотно. Отсутствие свежего воздуха и физических упражнений плохо сказалось на Павле, а вечный страх не угодить строгому воспитателю привели и без того расшатанные нервы цесаревича в практически неуправляемое состояние.

Это, тем не менее, не помешало ему спустя некоторое время безоглядно привязаться к своему воспитателю, который, между прочим, исподволь внушил Павлу мысль о том, что он — единственный законный наследник российского престола, и что его царственная бабка подумывает о том, чтобы назначить его наследником в обход племянника — его родного отца. Но Елизавета скончалась, так ничего и не предприняв в отношении престолонаследия.

А ее племянник, став российским императором, в душе так и остался голштинским принцем, тратившим все свободное время на три излюбленных занятия: муштру солдат, выпивку и курение. За всеми этими делами император практически не видел единственного сына. В свое кратковременное, полугодовичное царствование он видел Павла лишь дважды. Первый раз удостоил сына визитом, побеседовал с ним и сказал на прощание:

— Из него выйдет добрый малый. На первое время он мо-

жет оставаться под прежним присмотром, но скоро я устрою его иначе и озабочусь лучшим его военным воспитанием вместо теперешнего женственного.

Нет ничего более постоянного, нежели временное! Вторая встреча отца и сына состоялась очень нескоро и лишь благодаря настояниям Панина. Император поприисутствовал при экзамене Павла и заявил своему окружению:

– Господа, говоря между нами, я думаю, этот плутишка знает эти предметы лучше нас. Жалую его в капралы своей гвардии!

Знать что-либо лучше Петра Федоровича было легче легкого, а звание капрала Павел так и не получил из-за забывчивости отца. Впрочем, ненавидевший свою мать, он в полном смысле слова боготворил отца и так и не простил его преждевременной смерти ни Екатерине, ни ее сподвижникам. Для образованного, начитанного и тонко чувствовавшего цесаревича образцом и идеалом навсегда остался полупьяный и необразованный человек, абсолютно, к тому же, безразличный к самому факту существования у него сына.

После своего восшествия на престол и чрезвычайно своевременной смерти супруга – свергнутого императора, Екатерина ничего не изменила в жизни своего сына. Придворные – и в первую очередь Панин – наивно полагали, что Семирамида Севера поцарствует лет восемь, до совершеннолетия Павла, а потом тихонечко уступит ему престол и исчезнет с политического горизонта. Как бы не так!

Прежде всего, она озаботилась тем, чтобы каждое слово и каждое движение наследника становились тут же ей известны, а затем постаралась свести до минимума влияние на него графа Панина и окружить Павла малозначительными и неинтересными людьми. Переписываясь с лучшими умами Европы того времени, Екатерина откровенно не желала замечать, что ее сын и наследник мог бы стать для нее достойным собеседником и преемником ее идей. Она обращалась с сыном, как с дальним докучливым родственником, и постепенно робкое обожание, которое Павел все-таки питал к матери, сменилось холодной озлобленностью и абсолютным равнодушием. Масла в огонь подлила и первая женьитьба цесаревича.

В отличие от своего официального отца, «брачные кондичии» Павел обрел довольно рано. Во всяком случае, когда цесаревичу исполнилось шестнадцать лет, заботливая матушка приискала ему тридцатилетнюю вдову и повелела «образовать Великого князя в вопросах деликатного свойства». Вдова оказалась старательной, образование закончилось тем, что у нее родился сын, Семен Павлович Великий, который в возрасте двадцати двух лет погиб в чине капитан-лейтенанта российского флота.

А Екатерина начала поиски невесты в европейских дворах. Ее выбор пал на Гессен-Дармштадских принцесс – трех сестер. Павлу же предстояло выбрать из трех красавиц одну. За невестами был послан ближайший друг цесаревича, граф

Андрей Разумовский, к которому Павел питал совершенно слепое доверие.

«Дружба ваша, – писал он в Ревель, где Андрей командовал кораблем, – произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности... Как мне было тяжело, дорогой друг, быть лишенным вас в течение всего этого времени».

Между тем графу Андрею не то что невесту – кошку доверить было бы неблагоприятно. Внук свинопаса, зато графский сын, он успел пожить в Версале, разделяя недетские увеселения французского двора, получил поистине европейское образование и чуть ли не с пеленок умел обольщать женщин. Из трех принцесс-невест его внимание немедленно привлекла Вильгельмина, ибо он знал, что именно ее Екатерина наметила в невестки.

Вильгельмина была крещена под именем «благоверной Натальи Алексеевны», но ничем это знаменитое в России имя не украсила. Единственной ее страстью, если не считать красавца Разумовского, были всевозможные развлечения, деньги она транжирила еще до того, как успевала получить. Ко всему прочему, великая княгиня оказалась неизлечимо больной: вследствие несчастного случая, происшедшего с ней в детстве, у нее были деформированы позвоночник и кости таза.

Через три года после свадьбы великая княгиня скончалась от родов, причем ребенок погиб еще в ее чреве, так и не по-

явившись на свет. Но за эти три года сумела основательно настроить супруга против свекрови вплоть до того, что был составлен небольшой заговор – сценарий очередного дворцового переворота. Но Екатерина настолько глубоко презирала и сына, и невестку, что даже не сочла нужным кого-то наказать, хотя список заговорщиков видела своими глазами.

Судьба обрекла Павла на вечные драмы, не составил исключения и первый опыт его супружеской жизни. Сразу после кончины обожаемой супруги матушка предъявила ему такие доказательства неверности Натальи Алексеевны – ее переписку с любовником, – что цесаревич едва не помешался от горя и обиды, но враз излечился от скорби. Не прошло и трех месяцев, как вдовец согласился вступить в новый брак. На сей раз Екатерина сделала правильный выбор:

«Принцесса Вюртембергская в качестве великой княгини или императрицы будет только женщиной и больше ничем», – писал из Петербурга один из дипломатов.

Да, статная, высокая, очень свежая но склонная к полноте блондинка, София-Доротея являла собой идеальный, с точки зрения немцев, тип женщины. Едва прошло несколько недель после помолвки – заочной! – как она собственноручно написала Павлу письмо на русском языке, а близким подругам признавалась, что «любит великого князя до безумия».

Говорят, противоположности сходятся. Низкорослый, subtilный, нервно-желчный Павел был очарован этой спо-

койно-сентиментальной великаншей, чуть ли не каждый год исправно рожавшей детей. Но и при этом она старалась быть на высоте своего положения, не давая себе ни минуты передышки.

«То, что утомляет других женщин, ей нипочем, – писал один из современников. – Даже во время беременности она не снимает парадного платья, а между обедом и балом, когда другие женщины надевают капот, она, неизменно затянутая в корсет, занимается перепиской, вышиванием или живописью.»

Правда, Мария Федоровна», занималась не только вышеперечисленным. Она неустанно подогревала честолюбивые мечты супруга относительно престола. Кроме того, с излишней жестокостью подчеркивала безупречность своего поведения по сравнению с образом жизни свекрови.

И без того уверенный в том, что мать, пусть и косвенно, но безусловно виновна в смерти отца, Павел выстроил сложную схему внутрисемейных отношений, где он играл роль идеалиста-страдальца, а Екатерина – роль злобной и развратной фурии, прислушивающейся только к зову своего неукротимого темперамента.

С Орловым и Потемкиным Павел еще как-то ладил. Но когда блистательного князя Таврического сменила бесконечная череда любовников-однодневок, большинство из которых было моложе его самого, великий князь ожесточился. Молчаливое поощрение убийства законного супруга ра-

ди двух великих страстей – власти и любви – он еще мог понять. Но чисто мужское отношение к плотским радостям, откровенное пренебрежение общественным мнением – нет, нет, и еще раз нет.

Разлад Павла с Екатериной становился все более глубоким и, к сожалению, отражался на его отношениях с женой и детьми. Там, где прежде царили гармония и любовь, прочно обосновались подозрения, неприязнь и даже... ненависть. Сыновья становились соперниками в борьбе за трон, жена – возможной предательницей.

Павлу перевалило за сорок и законная супруга в несчастливые минуты иронично называла его «вечным наследником». Жестокая российская действительность оказалась сильнее врожденной немецкой сентиментальности. Впрочем, Мария Федоровна не чужда была и честолюбивым мечтам: похоронить свекровь, овдоветь – и царствовать, благо дети находились у нее в полном и безоговорочном подчинении.

Еще накануне Павел, находясь в одном из редких для него моментов благодушия, пожелал выпить чаю на половине супруги и обсудить с нею близкий брак великой княжны Марии. Естественно, разговор коснулся и будущего других дочерей.

– Я решил выдать Като за вашего племянника, – заявил Павел, как всегда безапелляционно. – Этот брак может быть крайне удачен в плане будущего России.

– Боюсь, что не совсем понимаю вас, друг мой, – недоуменно отозвалась императрица.

– На Александра у меня надежды мало. К тому же он явно жаждет моей смерти: корону ему обещала еще моя покойная мать. Константин, увы, просто дурак. А ваш племянник производит впечатление умного и рассудительного юноши...

– Он еще совсем мальчик, ваше величество, – пролепетала императрица.

– Подрастет, – отрезал император. – А я надеюсь, у меня хватит времени подготовить его достойным образом...

– Подготовить к чему?

– Неважно. Что-то зябко сегодня. Прикажите еще чаю погорячее.

– Сейчас распоряжусь, друг мой.

Императрица на несколько минут вышла из своего будуара, а затем вернулась. По дороге подошла к полузамерзшему окну и вгляделась в сумеречную глубину деревьев перед замком.

– Как здесь все-таки мрачно, – проговорила она.

Император резко встал и тоже подошел к окну. Его супруга тут же вернулась обратно к чайному столику.

– Не вижу ничего мрачного, – заявил Павел, полюбовавшись глубоким рвом и часовыми возле подъемного моста. – К тому же, здесь мы в безопасности.

В этот момент лакей внес кипящий самовар и Мария Федоровна оставила реплику супруга без ответа. Она вообще

как-то сжалась, а в глазах загорелись мрачные огоньки. Молча она разлила свежий чай, но сама к своей чашке не приоткрылась. Император же явно наслаждался крепким, ароматным напитком, и не обращал на перемену в настроении супруги ровно никакого внимания.

Закончив чаепитие, супруги церемонно пожелали друг другу спокойной ночи. И для Павла ночь действительно прошла спокойно, он даже спал дольше обычного, хотя на следующий день был мрачен, рассеян и то и дело подносил руку ко лбу.

– Здоровы ли вы, друг мой? – осведомилась за обедом императрица, заметив состояние супруга.

– Вполне, – буркнул Павел. – Немного болит голова.

– Приказать капле?

– Обойдусь без ваших микстур, мадам. Еще отравите...

Присутствующие за столом великие князья, княгини и княжны сделали вид, что ничего не слышат, всецело поглощенные едой. Павел окинул их подозрительным взглядом и произнес загадочную фразу:

– Ничего. Недолго осталось.

Потом резко встал, бросил на стол скомканную салфетку и вышел из столовой. К вечеру голова разболелась еще сильнее, появился какой-то звон в ушах, смутное беспокойство, и пришли те самые невеселые мысли о своей жизни, которые упрямо отгоняли сон.

Наконец Павлу удалось забыться, но сон этот оказался

недолгим. Шум в прихожей, поднятый первой группой заговорщиков, мог не услышать только глухой.

Внезапно разбуженный Павел вскочил и спрятался за ширму. И тут же едва не упал, ощутив сильнейшее сердцебиение. В глазах у него потемнело, в голове пронеслось: «Я умираю». Он из последних сил бросился к двери, ведущей на половину супруги, отодвинул засов, повернул ключ и... обнаружил, что дверь заперта с той стороны.

– Мари! – захрипел Павел. – Откройте дверь! Мне плохо...

Но открылась совсем другая дверь – в прихожую, и в спальне появились заговорщики со шпагами в руках. Павел оцепенел от ужаса. А Платон Зубов предложил государю «для высшего блага России» подписать акт об отречении, который один из офицеров положил на стол.

– Подпишите, ваше величество, и вы спасете себя и страну.

Каким-то образом в руках у Павла оказалось перо, уже окупное в чернила. И в этот момент на него накатил второй приступ головокружения, куда сильнее первого. Император покачнулся, захрипел и упал головой вперед, угодив виском в острый угол массивного письменного стола. Из пробитого виска брызнула струйка крови, несколько капель попали на заговорщиков...

Через несколько секунд все было кончено. Перед оцепеневшими присутствующими лежало бездыханное тело с про-

битой головой и синим, точно от удушья, лицом. Император Павел скончался, причем налицо были все признаки насильственной смерти.

Около часа ночи, получив известие об успешных действиях заговорщиков, Пален вошел в комнату Александра. Он объявил, что Павел только что скончался от сильнейшего апоплексического удара.

Александр расплакался, но граф прервал его и жестко сказал:

– Хватит ребячества! Я сдержал слово, вашего отца никто пальцем не тронул. Такова, видно, была воля Божья. Благополучие миллионов людей зависит сейчас от Вашей твердости. Идите и покажитесь солдатам!...

Тщетно. Александр был безутешен, винил в гибели отца только себя и рвался принять монашеский сан «во искупление греха отцеубийства». Масла в огонь неожиданно подлила его мать. Она появилась из своих покоев полностью одетая, словно и не ложилась спать в эту ночь, и закричала:

– Теперь я, и только я, ваша императрица! Я тоже хочу царствовать! За мной!..

Никто не отозвался на ее отчаянный призыв: во-первых, подвел сильный немецкий акцент, а во-вторых никто, кроме нее самой, никогда не видел ее на престоле ни в каком качестве. Новоиспеченной вдове пришлось вернуться к себе, где она несколько часов билась в страшной истерике, обвиняя в гибели мужа буквально всех, а прежде всего тех, кто про-

бил висок ее обожаемому супругу, а затем задушил его.

Като появилась в комнатах брата тогда, когда он, обессиленный от слез и доведенный чуть ли не до безумия настоячивыми призывами супруги к благоразумию и царскому достоинству, в полуобмороке лежал в кресле. Бросив короткий, далекий от приязни взгляд на невестку, уже почти императрицу Елизавету, Като подошла к Александру и сказала:

– Сашенька. Надо выйти к солдатам. Иначе – кровь, смута и хаос.

И после короткой паузы, словно по наитию, добавила:

– Не думай о себе, не думай о нас, думай о России.

И Александр повиновался. Он вышел на балкон и произнес оттуда краткую речь:

– Мой батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при моем царствовании будет делаться по принципам и по сердцу моей любимой бабушки, императрицы Екатерины!

Солдаты ответили ему радостными возгласами.

Весть о смерти Павла вызвала у жителей Санкт-Петербурга бурную радость. Когда Александр перебирался из Михайловского замка в Зимний дворец, народ громко его приветствовал, его обнимали на улицах. Булгарин написал в те дни, что у самого Тацита не нашлось бы достаточно красок, чтобы описать всеобщее ликование, наполнившее сердца при известии о воцарении великого князя.

Сам же Александр отправился в апартаменты Великой

княжны Екатерины и провел там взаперти несколько часов. О чем они разговаривали? Какие слова нашла Като, чтобы убедить брата в неизбежности свершившегося? Неизвестно. Но именно с этого времени и в течение долгих лет брат и сестра были практически неразлучны, хотя это вызывало и не слишком приличные слухи, и явное раздражение вдовствующей императрицы.

После похорон Павла, его несостоявшийся наследник, принц Вюртембергский, вернулся на родину. Като не сожалела об этом: потрясенная трагической гибелью отца, она стремительно повзрослела и уже не грезила о практически несбыточном. Ее детство кончилось одновременно с юностью, точнее, в тот день, когда пришло письмо о смерти ее старшей сестры Александры.

В жизни Екатерины Павловны начиналась совсем новая глава.

Глава третья. В любви, как на войне, на войне, как в любви...

«-Итак, Павел все-таки скончался именно в тот день, когда это было зафиксировано исторически.

– Да. Но Мария утверждает, что заговорщики действительно пальцем его не тронули.

– Но пробитый висок и синюшное лицо...

– Висок объясним естественными причинами, просто кому-то было выгодно утверждать, что это сделано заговорщиками. Но как бы ненавидим ни был Павел, поднять руку на монаршую персону в те времена...

– Так что же, снова таинственный отравитель?

– Так предполагает Мария. Во всеобщей суматохе ей удалось взять образчик крови, которая натекла из виска на пол и передать его нам.

– И...

– В крови обнаружены следы яда. Как и предполагалось, растительного происхождения, достать его можно у тех, кто бывал на Востоке, в частности, в Индии. Он отличается еще и тем, что действует не сразу, а в течение многих часов, иногда даже – суток двое.

– Тем не менее, мать постоянно обвиняет сына в том, что он позволил свершиться убийству. Александр внуша-

ем, к тому же он действительно не возражал против того, чтобы его отец отрекся от трона. Они все там были перепуганы насмерть планами сумасшедшего императора.

— Кроме воспитанницы нашей Марии?

— Она-то как раз больше всех потеряла из-за внезапной гибели отца. Он почти назначил принца Евгения Вюртембергского своим наследником, а Екатерину предназначал в жены либо ему, либо...

— Кому же еще?

— Всего-навсего гражданину Бонапарту, к которому внезапно вспыхнул страстной любовью и мечтал на пару с ним править миром.

— Очень в стиле Павла: пленного турка сделать графом и ближайшим доверенным лицом, а любимую дочь выдать за простолюдина-авантюриста. К тому же женатого.

— Российский император был выше таких мелочей. Маддам Жозефина для него просто не существовала: так, одна из парижских потаскушек.

— И в результате на троне все-таки оказался Александр, у которого, судя по всему, так и не будет прямого наследника. Вы не считаете, что этот проект пора сворачивать? Мы же не можем предотвратить войну России и Франции без ощутимых изменений в истории. А просчитать их практически невозможно.

— Я в сомнениях. К тому же Мария полагает, что нужно дожидаться бракосочетания ее воспитанницы. Да и на ново-

го императора великая княжна Екатерина имеет все больше и больше влияния. Этим можно воспользоваться.

– Тогда не будем пока ничего сворачивать. Самой Марии физически, кажется, ничего не угрожает, и покушений на жизнь Александра, которого все боготворят, тоже вряд ли следует ожидать. Может быть, с помощью Екатерины удастся хотя бы провести кое-какие реформы, которые Александр начал, да так и не довел до логического конца.

– Как, кстати, вы расцениваете порыв к трону овдовевшей императрицы?

– Лично я – как истерику обезумевшей от горя женичины, которая потеряла любимого мужа.

– А Мария?

– А Мария призывает относиться к этой фигуре более серьезно. Многое ей кажется странным и даже зловещим, но, по-моему, она уж чересчур адаптировалась к атмосфере двора. Ей все подозрительно.

– Знаете, кое в чем я готов с ней согласиться. Мы с вами как-то упускаем из виду, что у Марии Федоровны есть еще два младших сына. Любимых, в отличие от старших. И она вполне может мечтать о том, чтобы посадить на трон кого-нибудь из них, причем не в отдаленном будущем, а по достижении совершеннолетия.

– Вот как?

– Марии абсолютно точно известно, что вдовствующая императрица уже размышляет о будущих женах для млад-

ших сыновей, причем рассматривает кандидатуры таких, которые могли бы стать достойной парой императору.

— Мария опять преувеличивает. И Екатерина, и сама вдовствующая императрица происходят из достаточно зажиточных немецких родов. Да и нынешняя императрица Елизавета была всего лишь принцессой Баденской...

— И в результате императрицей является чисто декоративной. В общем, подождем, посмотрим, как будут развиваться события.

— Как всегда.

Нелегкое испытание пришлось вынести всем членам царской фамилии 23 марта — в день похорон императора Павла. Внешне все было, как обычно — длинный кортеж сопровождал гроб с телом покойного к последнему его пристанищу — Кафедральному собору в Петропавловской крепости, к усыпальнице, где с незапамятных времен покоились останки русских монархов.

Последний раз в эту усыпальницу торжественно перезахоронили останки отца Павла, незадачливого императора Петра Третьего, по слухам, убитом с благословения собственной супруги, прах которой теперь покоится рядом с ним. Такова была воля Павла.

Но скорби на лицах людей, толпившихся на улицах, не было. Никто из верноподданных не пролил ни единой слезы. Рыдал новый император, угнетенный чувством своей вины

перед отцом, плакали его сестры. Молчаливая когорта лже-друзей и истинных недругов почившего царя пытались изобразить печаль – тщетно.

Като из-под траурной вуали оглядывала погребальную процессию: никто из придворных не выглядел истинно скорбящим. А ведь еще совсем недавно каждый из них готов был на что угодно, лишь бы заслужить монаршее благоволение. Да, мирских владык забывают куда быстрее, нежели простых смертных, хотя... По Екатерине Великой скорбела вся Россия, по ее сыну – только самые близкие родственники. Впрочем, и у них скорбь смешивалась с неподдельным облегчением.

Единственный человек, к скорби которого, кажется, не примешивалось никаких иных чувств, была отныне вдовствующая императрица Мария Федоровна. Стресс, во время которого она попыталась провозгласить себя преемницей супруга, прошел, и теперь она только плакала: беззвучно, не вытирая слез, которые и без того скрывала густая вуаль.

Она прожила долгие годы рядом с очень сложным, практически непредсказуемым человеком, искренне любила его, родила ему десятерых детей и закрывала глаза на мимолетные измены. Для нее он был прежде всего супругом, а уже потом – императором, и подчинялась она ему не как верно-подданная, а как благочестивая и богобоязненная супруга.

Да, порой она чувствовала себя всеми преданной, поруганной своим супругом, имевшим изменчивое настроение,

непоследовательность которого вынудила всю Россию погрязнуть в хаосе, однако была единственной, кто оставался искренне безутешной в утрате этого тирана. Сейчас она была не способна даже обвинять сына в попустительстве преступлению – это придет позже. Впрочем, Александр, отнятый у нее в младенчестве властной бабкой, никогда не был и не мог быть ее любимым сыном, равно как и Константин. Весь пыл материнских чувств она отдавала дочерям и двум младшим сыновьям, которых у нее уже никто не мог отнять.

Всякий раз, когда в своих «Мемуарах» она перечисляет свои неудовольствия, которые она скопила против мужа в течение проведенных с ним вместе лет, ей приходилось свидетельствовать о своей очевидной незащитности перед причудами супруга.

Более того, она находила им оправдание. Монарх от рождения, возвышенный в своем сознании высоким происхождением, ее покойный супруг искренне верил, что Бог назначил его управлять Россией и что он должен преодолевать по своему усмотрению любые жизненные обстоятельства без того, чтобы советоваться об этом с кем бы то ни было. А она должна была безропотно сносить все – даже очевидную несправедливость и жестокость. И сносила.

Впрочем, те кто укорял Павла в жестокости, несправедливости, нетерпимости и прочих грехах, свойственных тиранам, почему-то забывали о том, что Петр Великий, генерал которого все так охотно превозносили, тоже первона-

чально вверх Россию в небывалый хаос, подчинялся только своим желаниям и редко прислушивался к чужим советам. Но у него была цель: превратить Россию в великую державу, а у Павла – сделать из нее подобие столь любимой им Пруссии. Вот и вся разница между двумя абсолютными по сути монархами.

Проживи, точнее, процарствуй Павел дольше, возможно он бы доказал миру, что его мимолетные намерения были всегда инспирированы порывами его сердца, но никогда не холодным политическим расчетом, и что он, хотя и не имел внешность, схожую с Петром Великим, был, несмотря на это, вторым Петром, а его обвиняли в том, что он был всего лишь карикатурой на своего предка.

Об этом думала Като, равно как и о том, что ее брак с вюртембергским кузеном теперь не состоится, что ей не придется быть соперницей собственному брату, и что корона, которую посулила ей гадалка, ждет ее где-то совсем в другой стране. А в том, что корона ее ждет, у честолюбивой великой княжны не было ни малейших сомнений. К тому же теперь она была первой кандидаткой на выданье в семье Романовых, завидной невестой для любого европейского монарха.

Долгое богослужение, пышное и торжественное, которое проходило в Кафедральном соборе, сопровождалось хором песнопений, освещалось мерцанием тысяч свеч, плавало в облаках ладана. Като унеслась мыслями в прошлое – в похороны бабушки Екатерины, когда все было так же пыш-

но и благолепно, только окружающие лили истинные слезы. Кроме... ее отца. Не потому ли на этих похоронах никто не плачет, что Бог наказывает папеньку за сыновью непочтительность?

И бедная Александрина, на похороны которой не смог поехать никто из семьи. Она умерла так внезапно, так странно. Накануне гибели Павла пришло письмо о том, что палантина венгерская разрешилась от бремени. Дочка родилась мертвой, но здоровье сестры было вне опасности.

А через неделю – второе послание: Александрина скончалась от странного и внезапного недомогания, причем все тело было покрыто какой-то сыпью. Шептались об отравлении, и многие склонны были в это верить, зная коварство австрийского двора и его ненависть к русской княжне.

Все кончается, закончились и похороны, жизнь постепенно входила в свою колею. Правда, траур не позволял устраивать пышных развлечений, но внешний покой, который воцарился в императорском семействе, стал бальзамом для большинства ее членов. К тому же Великая княжна Мария готовилась к своему бракосочетанию, отложенному из-за траура, а вдовствующая императрица всецело посвятила себя младшим детям: Анне, Николаю и Михаилу.

Только Като с ее природным жизнелюбием и жадой деятельности не могла смириться с этой тишиной. Единственный человек, который в те дни мог успокоить мятущуюся душу великой княжны, была ее верная наперсница Мария.

Долгие часы, которые они проводили в беседах, благотворно влияли на Като, но обе они, по негласному уговору, держали в тайне свою дружбу.

Като обожала, когда Мария раскладывала карты и «гадала на будущее», тем более что ее предсказания практически всегда сбывались. Единственное, что ее иногда злило – это манера Марии чрезвычайно туманно и уклончиво отвечать на прямые вопросы. Так было и тогда, когда однажды вечером Като вспомнила о знаменитом бале-маскараде и о поразившей всех таинственной предсказательнице.

– Мари, вы помните, я вам рассказывала о гадалке на балу? – спросила она как-то вечером свою наперсницу.

Като уже улеглась в постель, а фрейлина бесшумно скользила по спальне, делая последние приготовления для отхода ко сну.

– Разумеется, ваше высочество, – спокойно ответила она.

– Ведь многие ее предсказания уже сбылись. Мой брат без ума от красотки Нарышкиной и даже не делает из этого секрета.

– Император волен вести себя так, как ему будет угодно, – сдержанно заметила фрейлина. – К счастью, у мадам Нарышкиной очень покладистый муж, который готов закрывать глаза на все, лишь бы не тревожили его покой.

– Моя невестка не так терпима, – усмехнулась Като. – Молодая императрица совсем замкнулась в себе. Если бы на ее месте была я...

– То что бы вы сделали, ваше высочество?

– Я бы очаровала своего мужа, вернула его в свою спальню и постаралась во что бы то ни стало подарить ему наследника. А может быть, и не одного...

– Вы истинная дочь своей матери, – заметила Мария. – Только вряд ли вы бы удовлетворились только ролью супруги и матери.

Като даже подскочила в своих кружевных подушках:

– Мой бог, конечно нет! Но ведь быть императрицей – это... это... Это чудесно! Я бы устраивала роскошные приемы, пышные балы, я бы привлекла во дворец самых известных поэтов, музыкантов и художников, а сама стала бы их Музой. И потом... я ведь тоже могла бы любить, кого хочу. Императрице тоже все дозволено.

– Не совсем, ваше высочество, – усмехнулась Мария. – Женщинам, даже самого высокого ранга, дозволено все же меньше, чем мужчинам.

– А как же моя августейшая бабушка? И моя августейшая прабабушка Елизавета?

– Они были не просто императрицами, они были монархинями, самодержицами. И вести себя могли практически как мужчины. Но обратите внимание, ваше высочество, двор снисходителен к амурным увлечениям монархов, но втайне осуждает монархинь, если те увлекаются... Впрочем, вы еще слишком молоды для таких разговоров.

– Нынешнюю императрицу выдали замуж за моего брата

чуть ли не в тринадцать лет, – надувшись, пробормотала Като. – И никто не считал, что она слишком молода для брака.

– Это было политическое дело, ваше высочество, к тому же, такова была воля вашей августейшей бабушки. Ранние браки – это не самое разумное. Ваша покойная сестра Александра...

– Кстати, гадалка ведь и ее смерть предсказала. Откуда она могла знать, что Александрину отравят?

– Это только слухи, ваше высочество. Палантина венгерская официально скончалась после родов.

– Вот именно, что официально! – фыркнула Като. – А правды мы все равно никогда не узнаем.

– Как знать... – загадочно обронила Мария. – Но довольно об этом. Вам пора спать, а не обсуждать все эти страсти.

– Ну, Мари, милая, ну расскажи еще что-нибудь. Не страшное. Ну, пожалуйста!

– Хорошо, только потом...

– Знаю: спать, во-первых, и никому не пересказывать услышанное, во вторых. Как всегда.

– Вот именно. А расскажу я вам про княгиню Голицыну, которой гадалка на балу предсказала смерть во сне. Очень несчастную женщину.

– Княгиня Голицына – несчастна? Да у нее есть все, чего только может пожелать женщина...

– Это так, ваше высочество, но... Есть женщины, которые при рождении получают все: красоту, ум, богатство, знатное

происхождение. И несмотря на это лишены самого главного: обыкновенного женского счастья...

А начиналось все, как обычно. В 1780 году в одном из подмосковных имений у отставного кирасирского полковника Михаила Измайлова и его супруги Полины родилась дочь, получившая при крещении имя Евдокии. Так ее и звали бы люди постарше, а молодежь называла бы на французский манер – Эудокси. Но девочка предпочла зваться Авдотьей. Первое, но далеко не последнее проявление ее оригинальности.

Это было тем более оригинально, что имя не шло ей совершенно. Матовый цвет лица, густые черные волосы, обворожительные темные глаза, фигура и походка богини, руки, ослеплявшие современников своей красотой и изяществом. Известный ценитель женской красоты князь Петр Вяземский так описывал Евдокию-Авдотью в письме к одному из своих друзей:

«Вообще красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнегреческое изваяние. В ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротив, в ней было что-то ясное, спокойное, дружелюбное...»

Родители Евдокии рано умерли и ее взял на воспитание бездетный дядя – Михаил Михайлович Измайлов, который состоял при императоре Павле Первом московским главным командующим. Вообще фамилия Измайловых принадлежа-

ла к избранным кругам столичной аристократии и состояла в близком родстве с Юсуповыми, Нарышкиными, Гагариными. Знатная, красивая и богатая Евдокия получила к тому же основательное по тем временам образование. Помимо обычного набора: языки, изящная словесность, музыка, танцы, – девушка основательно познакомилась с точными науками, историей, географией, литературой.

В доме главнокомандующего собирался не просто цвет московского общества – там почти ежевечерне появлялись те, кто определял, как бы сейчас сказали, «общественное настроение» России. Евдокия рано пристрастилась к серьезным разговорам о политике, философии и даже экономии. Но самой большой страстью в ее юной жизни была... математика. Да-да, когда ее сверстницы-барышни обливались слезами над французскими сентиментальными романами, она изучала всевозможные квадратные корни, дуги и касательные.

Не заметить веселившуюся на великосветских балах юную красавицу было невозможно. Московские старухи, большие любительницы сватовства, уже предрекали Дунечке Измайловой одну блестящую партию за другой, когда в судьбу девушки властно вмешался... император Павел. Дело в том, что оба брата Измайловы в свое время сохранили верность императору Петру Третьему, покойному мужу императрицы Екатерины, отказались от службы и удалились в свои поместья. Взойдя на престол, Павел сделал старше-

го брата главнокомандующим Москвы, как уже говорилось. Для младшего он уже ничего сделать не мог и решил осчастливить его сиротку-дочь.

По высочайшему повелению ей в женихи был назначен князь Сергей Михайлович Голицын. Недалекий, чтобы не сказать – глупый, немолодой, чтобы не сказать – старик, богатый, но с некими противоестественными наклонностями, о которых шушукались в обеих столицах – какое счастье он мог дать молодой, умной красавице? Но с монархом шутки были плохи: одну супружескую пару, осмелившуюся повенчаться без его ведома, он посадил в крепость на хлеб и воду. Как мог поступить Михаил Измайлов? Лишь поблагодарить Павла за милость.

«Письмо Ваше, в коем Вы благодарите меня за племянницу Вашу, я получил, и очень рад, что через сие мог дать Вам знак моего к Вам благорасположения, с коим и пребуду к Вам навсегда благосклонным,» – написал Павел дядюшке Евдокии 5 декабря 1796 года.

– Да, папенька любил устраивать неожиданные браки, – задумчиво отозвалась Като, вспомнив внезапное решение Павла о свадьбе генерала Багратиона и совершенно не подходившей ему графиней Скавронской. – И что же дальше, Мари?

– Летом 1799 года (два с половиной года все-таки потянули!) Евдокия Измайлова стала княгиней Голицыной. На первых порах она думала, что обычная супружеская жизнь,

а главное, дети, заменят ей отсутствие любви, кстати, взаимной. Но фактической женой князя она так и не стала.

Зато князь увез свое главное в жизни приобретение во Францию, где красота и ум Авдотьи – теперь она себя только так и называла – расцвели в полной мере. Но еще до этого произошел тот самый странный случай, во многом определивший дальнейший образ жизни блистательной княгини. Некая гадалка предсказала ей, что умрет она ночью, во сне.

«Смерть не застанет меня неприбранной», – надменно ответила молодая красавица и...

– Это я помню, это я слышала! – вскричала Като. – И что же сделала княгиня?

– Превратила день в ночь. Ложилась спать на рассвете, приемы начинала за полночь. В Париже, а затем в и в Петербурге, куда после смерти императора Павла недавно вернулись князь и княгиня Голицыны, Авдотью прозвали «*Princesse Nocturn*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.